

Уильям Линдсей Грешем

АЛЛЕЯ КОШМАРОВ

ЧИТАЙТЕ КНИГУ — СМОТРИТЕ ФИЛЬМ!

Уильям Линдсей Грешем
Аллея кошмаров
Серия «Азбука-бестселлер»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67097790

Аллея кошмаров : роман / Уильям Линдсей Грешем ; пер. с англ. А.

Питчер: Азбука, Азбука-Аттикус; Санкт-Петербург; 2022

ISBN 978-5-389-20904-6

Аннотация

Впервые на русском – классический роман американского нуара, однажды уже экранизированный в золотую эпоху Голливуда с Тайроном Пауэром и Джоан Блонделл в главных ролях. А сейчас на мировые экраны выходит новая киноверсия: постановщик – Гильермо дель Торо, в фильме снимались Брэдли Купер, Кейт Бланшетт, Уиллем Дефо, Рон Перлман, Руни Мара, Тони Колетт и др.

Стэн Карлайл работает в странствующем балагане «Десять в одном». Он молод, талантлив и амбициозен и, тонко понимая человеческую натуру, имеет задатки успешного менталиста – «чтеца мыслей». И вот уже Стэн выступает на престижных площадках с собственным номером и женится на красавице-ассистентке, а его спиритические сеансы пользуются большой популярностью в высших кругах общества. Но, даже готовя самую

грандиозную аферу в своей карьере, он не в силах избавиться от образа «переулка кошмаров», что преследует его с детства...

«Пресловутую американскую мечту Грешем выворачивает наизнанку. Его герой ковыляет во тьме по переулку кошмаров, до последнего надеясь – и мы надеемся вместе с ним, – что путь не окончится тупиком и впереди забрезжит свет» (*Los Angeles Times*).

Содержание

Карта I	7
Карта II	15
Карта III	45
Карта IV	75
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Уильям Линдсей Грешем

Аллея кошмаров

Роман «Переулоч кошмаров» (Nightmare Alley) выходит под заголовком «Аллея кошмаров» – так в российском прокате локализовано название новой экранизации.

Никакой аллеи ни в книге, ни в фильме, разумеется, нет.

Посвящается Джой Дэвидмен

*Ясновидящая мадам Созострис
Сильно простужена, однако, несмотря
на это обстоятельство,
В Европе сльезет мудрейшей из жесниц
С колодою ведьминских карт. Она говорит:
Вот ваша карта – Утопий Моряк-Финикиец
(Вот жемчуг очей его! Вот!),
Вот Белладонна, Владычица Скал,
Примадонна.
Вот Несущий Три Посоха, вот Колесо,
Вот Одноглазый Торговец, а эту карту
Кладу рубашкой, не глядя —
Это его поклажа. Что-то не вижу
Повешенного. Бойтесь смерти от воды...*

***Т. С. Элиот. Бесплодная земля. I. Погребение мертвого
(перев. С. Степанова)***

А то еще видал я Кумскую Сивиллу в бутылке.

*Дети ее спрашивали: «Сивилла, чего тебе надо?»,
а она в ответ: «Помирать надо».
Петроний Арбитр. Сатирикон. XLVIII (перев. В.
Амфитеатрова-Кадашева)*

William Lindsay Gresham NIGHTMARE ALLEY Copyright
© 1946 by William Lindsay Gresham Copyright renewed ©
1974 by Renee Gresham By arrangement with the proprietor All
rights reserved

АЗБУКА
БЕСТСЕЛЛЕР

Перевод с английского Александры Питчер

© А. Питчер, перевод, послесловие, примечания, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Изда-
тельская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022 Издательство АЗ-
БУКА®

Карта I Глупец

С закрытыми глазами, в пестром шутовском наряде, идет к пропасти на краю света.

Стэн Карлайл стоял в брезентовом балагане, подальше от входа, освещенного электрической лампочкой, и глядел на гика в огороженном загончике.

Тощий тип в косматом черном парике был наряжен в исподнее шоколадного цвета. Коричневый грим на изможденном лице смазлся и потек от жары, а вокруг рта и вовсе стерся.

Гик прислонился к ограде. У его ног ленивыми кольцами свернулись несколько – до смешного мало – змей, разморенных духотой летней ночи и ошалевших от яркого света. Один королевский ужик пытался заползти на ограду, но раз за разом срывался вниз.

Стэн любил змей; ему не нравилось, что они пребывают в обществе этого типа. Речь зазывалы у входа звучала все громче и напористее. Стэн невольно повернул голову.

– ...Откуда он взялся, одному Богу известно. Его обнаружили на необитаемом острове в пятистах милях от побережья Флориды. Друзья мои, в этом шатре вы увидите одну из необъяснимых загадок вселенной. Человек это или зверь? Вы сможете посмотреть на него в естественной обстановке, где он окружен самыми ядовитыми рептилиями на свете. И он нянчится с ними, как мать со своими малютками. Он

не ест, не пьет, а питается исключительно воздухом. И как раз сейчас его будут кормить. Тем, кто желает своими глазами увидеть это необыкновенное зрелище, придется раскошелиться, но стоит это удовольствие не доллар и даже не четвертак, а всего один дайм, то есть жалкий десятицентовик или две пятицентовые монетки. Всего десятая часть доллара! Торопитесь! Число мест ограничено.

Стэн отошел к задней стенке балагана.

Гик пошарил под дерюгой и что-то нащупал. Чпокнула пробка, послышались торопливые глотки и резкий выдох.

В балаган устремились лохи: парни в соломенных шляпах, с пиджаками, переброшенными через руку, очередная толстуха с глазами-бусинами. У толстух всегда глаза-бусины, рассеянно подумал Стэн. Утомленная женщина с худенькой девчушкой, которой пообещали показать все балаганы. Еще один забулдыга. Словно калейдоскоп – узор постоянно меняется, а стеклышки остаются теми же.

Клем Хотли, хозяин цирка и церемониймейстер балагана «Десять в одном», прошел сквозь толпу, вынул из кармана фляжку с водой, сделал глоток, прополоскал горло и сплюнул. Поднялся на помост. Низкий вкрадчивый голос заставил зрителей притихнуть.

– Позвольте напомнить вам, уважаемые, что мы проводим показ исключительно в научных и общеобразовательных целях. Эту самую тварь...

Какая-то женщина заглянула в загон, увидела крохотного

ужика, который не прекращал попыток заползти на ограду, и испуганно взвизгнула.

– Эту тварь изучали лучшие умы Европы и Америки и объявили ее человеком. То есть у него есть две руки, две ноги, голова и туловище, как у человека. Но в черепе под этими космами скрывается мозг дикого зверя. Ему привычнее среди рептилий, чем среди людей.

Гик ловко ухватил черную змею так, чтобы она его не укусила, и начал баюкать, бормоча что-то неразборчивое.

Хотли умолк. Посетители вытянули шеи.

– Вам, наверное, интересно, как он живет среди ядовитых змей. Видите ли, друзья мои, змеиный яд на него не действует. Но если бы он цапнул меня, то мне не помогло бы ничего на свете.

Гик глухо заворчал и сощурился на яркий свет лампочки. Стэн заметил, как в уголке оскаленного рта блеснул золотой зуб.

– Дамы и господа, поверьте, я не для красного словца заявляю, что эта тварь – дикий зверь, а не человек. Сейчас вы убедитесь в этом самолично. Стэн... – Хотли обернулся к светловолосому пареньку с ярко-голубыми глазами. – Стэн, пора продемонстрировать уважаемой публике, как он питается. Дай корзинку.

Стэнтон Карлайл наклонился, подхватил небольшую корзину и поднял ее над головами зрителей. Толпа дружно отшатнулась к выходу. Клем Хотли, зазывала, примирительно

хочотнул:

– Не волнуйтесь, друзья мои. Тут нет ничего страшного. Всего-навсего... – Он вытащил из корзинки жалобно кудахчущую курицу, показал ее публике и жестом потребовал молчания.

Посетители заглянули за ограду.

Гик, стоя на четвереньках, раззявил рот. Зазывала швырнул курицу в загон. Взвихрились перья.

Гик затряс черной куделью парика, метнулся к курице и попытался ее схватить. Курица расправила куцые крылья и заметалась туда-сюда. Гик на карачках ползал за ней.

На перемазанном краской лице впервые появилось оживление. Гик щурил воспаленные глаза и беззвучно шевелил губами. Стэн разобрал слова: «Ах ты, сволочь!»

Он незаметно выбрался из толпы. Зрители с любопытством глядели в загон. Стэн сунул руки в карманы и зашагал к выходу из балагана.

Из загона несло испуганное кудахтанье. Зрители шумно вздохнули. Какой-то пьянчуга хлопнул замызганной соломенной шляпой по ограде:

– Хватай курицу, болван! Ну хватай же!

Какая-то женщина взвизгнула и нервно запрыгала на месте; толпа исторгала вековечные стенания, тела прижимались к брусьям ограды, давили на нее. Кудахтанье внезапно смолкло, клацнули зубы, послышалось натужное кряхтение.

Стэн поглубже всунул руки в карманы, толкнул полог и по

площади, где среди остальных шатров цирка стоял балаган «Десять в одном», прошел к воротам главного ограждения. Там он вытащил руки из карманов, разжал кулак. На ладони лежал сверкающий пятидесятицентовик. Стэн потянулся к монетке, и она исчезла. По его лицу расплылась загадочная улыбка, скрывающая торжествующее презрение. Он ощупал шов белых фланелевых брюк – и монетка снова оказалась у него в пальцах.

В летней ночи дешевыми стекляшками мерцали гирлянды колеса обозрения. Переливчатые завывания парового органчика звучали утомленно, будто его трубы изнемогали от усталости.

– Господи, как же жарко!

Клем Хотли, зазывала, стоял рядом со Стэном, промокая носовым платком насквозь пропотевшую ленту на соломенной шляпе.

– Стэн, сбегай в киоск, возьми мне лимонада. Вот тебе десять центов. И себе тоже купи.

Стэн вернулся с запотевшими бутылками. Хотли благодарно поднес свою к губам.

– Боже мой, у меня горло болит, как бычья задница, искусанная слепнями.

Стэн неторопливо пил свой лимонад.

– Мистер Хотли?

– Чего тебе?

– А где вы взяли гика? Он один такой? В смысле он такой

уродился, что любит откусывать головы курам?

Клем медленно прищурил глаз:

– Знаешь, малец, я тебе вот что скажу: у цирковых лучше ничего не спрашивать. Тогда тебе никто не соврет.

– Ладно. Но как вы нашли вот этого типа? Увидели, как он гоняется за курами, и придумали номер?

Клем сдвинул шляпу на затылок.

– Ты мне нравишься, малец. Очень нравишься. И за это я тебя уважу. Не дам пинка под зад. Доволен?

Стэн усмехнулся, не сводя невозмутимых ярко-голубых глаз с Хотли.

Зазывала понизил голос:

– Ну раз уж мы с тобой друзья, не буду вешать тебе лапшу на уши. Хочешь знать, откуда берутся гики? Так вот, их не находят. Их делают.

Он многозначительно умолк. Стэнтон Карлайл не шевельнулся.

– Хорошо, допустим, их делают. Но как?

Хотли схватил его за рубашку и притянул поближе.

– Слушай, малец, тебе что, схему нарисовать? Короче, всегда найдется кто-нибудь подходящий – не гик, а какой-нибудь горький пьяница. Из тех, что без бутылки ни дня не живут. Ну и говоришь ему: «Есть работенка. Временная. Мы ищем нового гика, а ты пока надевай его костюм и притворяйся что есть сил». Потом объясняешь, что ему дадут бритву. Как поймает курицу, пусть чиркнет лезвием ей

по шее и делает вид, будто пьет кровь. И с крысами то же самое. Лохи все равно ничего не разглядят. – Хотли оглядел площадь, оценивая толпу, а потом снова повернулся к Стэну. – Так вот, он с недельку этим позанимается. Главное, каждый день снабжать его выпивкой и давать отоспаться. Ему все это нравится. Он думает, что попал в рай. Через неделю ты ему и говоришь: «Ну что, мы нашли настоящего гика. Вали отсюда». Он пугается, потому что пьянице всегда страшно лишиться выпивки, и спрашивает: «А в чем дело? Я же стараюсь...» Тогда ты ему: «Плохо стараешься. Какой лохам интерес глазеть на подставного гика? Возвращай костюм и убирайся восвояси». Поворачиваешься и уходишь. А он бежит за тобой, умоляет его оставить. Ну, ты и говоришь: «Ладно, но только на сегодня. Назавтра уйдешь». И вручаешь ему бутылку. Ну а вечером начинаешь учить его умуразуму. По всем правилам. Слово за слово, он начинает думать о том, как протрезвеет и как ему будет плохо с похмелья. Ты все говоришь, говоришь, а потом швыряешь ему курицу. Все, гик готов.

Из балагана гика выходили зрители, унылые, вялые и молчаливые, – все, кроме забулдыги. Стэн смотрел на них со странной улыбкой – счастливой и рассеянной. Так улыбается заключенный, обнаружив напильник в пироге.

Карта II Маг

Одной рукой вздымает к небесам огненный жезл, а другой указывает на землю.

– ...Подходите, подходите, уважаемые, позвольте обратить ваше внимание на зрелище на первом помосте. Дамы и господа, сейчас вы станете свидетелями замечательной демонстрации невероятной физической силы. Да, среди вас тоже есть силачи, но смею заверить вас, господа, что в сравнении с тем, кого вы сейчас увидите, любой кузнец или атлет – сущий младенец. В этом теле греческого бога скрыта мощь африканской гориллы. Дамы и господа, я счастлив представить вам Геркуло, самого совершенного человека на свете.

Бруно Герци: Если бы она хотя бы раз взглянула на меня, когда я скидываю халат, то я с радостью умер бы в тот же миг. *Um Gottes willen*¹, да я бы своими руками вырезал себе сердце из груди и отдал бы ей на блюдечке. Неужели она не понимает? Я ведь даже не осмелюсь коснуться ее пальцев на сеансе в синематографе. Ну почему мужчинам всегда приходится так страдать из-за женщин? Я ведь даже Зене не могу рассказать, как я по ней вздыхаю, ведь Зена обязательно попытается нас свести, а я почувствую себя полным *dummkopf*², потому что не посмею с ней заговорить. Молли... какое пре-

¹ Ради бога! (нем.)

² Дурак (нем.).

красное имя... очень *Amerikanische*³. Она меня никогда не полюбит, я вот прямо всем сердцем чувствую. И все равно голыми руками раздеру в клочья любого волка в клетке, если он вздумает ее обидеть. Может быть, Молли это увидит. Может, тогда и догадается о моих чувствах и скажет мне что-нибудь такое, что я на всю жизнь запомню. И буду вспоминать потом, когда вернусь в Вену.

– Сюда, сюда, пожалуйста. Подойдите поближе, а то экспонат у нас тут не из самых крупных, правда, майор? Дамы и господа, позвольте представить вам, исключительно в познавательных и общеобразовательных целях, майора Москита, самого крохотного человека в мире. Двадцати дюймов, двадцати фунтов и двадцати лет – но для своего возраста мыслит он широкомасштабно. Если кто-то из дам пожелает познакомиться с ним после представления, обращайтесь ко мне, я все устрою. А сейчас майор исполнит для вас свой коронный номер: пройдетя чечеткой и споет замечательную песню «Милая Роза О’Грейди». Прошу вас, майор!

Кеннет Хорсфилд: Интересно, а если поднести зажженную спичку к носу этого орангутанга, загорятся волосы у него в ноздрях или нет? Боже мой, ну что за обезьян! Вот связать бы по рукам и ногам, раскрыть ему рот пошире, а я бы сидел в кресле, покуривал сигару и отстреливал бы ему

³ Американское (нем.).

зубы один за другим. Мартышки. Чисто мартышки. Особенно дамочки. Лица у всех одутловатые, круглые, что твоя луна. Так бы и стукнул по ним молотком, чтоб разлетелись ошметками, как тыквы. Ишь, как рты пораззявили, точно бездонные ямы – багровые, сальные, грязные. И сами они все сальные и грязные.

О господи, ну вот, началось. Все те же шуточки. Одна дамочка прикрылась ладошкой, шепчет на ухо своей товарке. Ох, еще раз увижу такую вот руку, услышу такие вот шепотки, честное слово, не выдержу, заору во всю глотку. Миллионы дамочек, и вечно одна и та же шуточка, ладошкой прикрытая. А та дурында, что ее слушает, вечно что-то жует. В один прекрасный день я их всех перестреляю. Зря, что ли, ствол в сундуке припрятан? Не в бойскауты же мне с ним играть. Вот эту самую дамочку первой пристрелю. Давно бы уже всех перебил, как цыплят, но они же начнут гоготать, потому как мне приходится одной рукой держать рукоять, а другой – спускать курок.

Джо Пласки:

– Благодарю вас, профессор. Дамы и господа, меня именуют Получеловеком-акробатом. Как видите, ноги-то у меня имеются, только пользы от них никакой. В детстве меня сразил младенческий паралич, вот они и не выросли. Тогда я решил связать их узлом потуже, чтобы не мешали, и заниматься своим делом. Вот так я поднимаюсь по лестни-

це. На руках. Без проблем. Прыг-скок да подскок, под самый потолок. Поворачиваемся и спускаемся. Видите, ничего сложного. Спасибо, дамы и господа. А вот этот трюк я сам лично изобрел. Иногда в переполненном трамвайном вагоне нет места стоять на обеих руках. В таком случае я поступаю очень просто. Внимание! Опля! И стою на одной руке. Спасибо, уважаемые. Следующим номером нашей программы я продемонстрирую вам то, что еще не удавалось ни одному акробату в мире. Обратное сальто-мортале с рук, с приземлением на руки. Готовы? Ну, начнем. Это первоклассный трюк – в моем исполнении. Зрители в первом ряду, вы б лучше отступили на пару шагов. Нет-нет, не беспокойтесь. Я пошутил. Пока что я ни разу не промахивался и, как видите, до сих пор живой. Итак, приготовились... Алле-оп! И кувыркнулись. Огромное спасибо, дамы и господа. Что ж, теперь подходите поближе, начинаем раздачу сувениров. Нет, разумеется, жить-то на что-то надо, поэтому раздаю не бесплатно, но почти. Вот, например, небольшой сборник всяких песен, декламаций, шуток, прибауток и салонных игр. И обойдется он вам не в доллар, и даже не в пятьдесят центов, а всего-то в крошечный десятицентовик. Подумать только, дамы и господа, какие-то жалкие десять центов позволят вам целый вечер развлекаться напропалую. Более того, только на сегодняшнем представлении к сборнику прилагается вот эта бумажная танцовщица. Поднесите к ней спичку – видите, как она просвечивает? А вот таким образом ее можно

заставить плясать. Вам угодно? Спасибо, приятель. Что ж, дамы и господа, разбирайте – тут и песни, и стихи, и остроумные шутки, и афоризмы великих людей... Всего за десять центов...

Сестра написала, что у обоих детей коклюш. Надо бы послать ей коробку красок, чтобы было чем развлечь малышей. Дети обожают рисовать. И цветные мелки тоже pošлю.

– Мартин-мореход, живая картинная галерея. Дамы и господа, этот молодой человек с раннего детства странствовал по морям. После жуткого кораблекрушения юноша попал на тропический остров, где встретил старого моряка, корабль которого давным-давно разбился о скалы, а несчастный чудом уцелел и провел на острове почти всю свою жизнь. Все, что ему удалось спасти, – набор инструментов для татуировки. Старик обучил Мартина этому замечательному искусству. Почти все изображения выполнены самим Мартином. Повернись-ка, мореход. Взгляните на его спину. Там воспроизведена известная картина, «Твердыня вечная». А на груди – повернись к людям, мореход, – изображен взрыв броненосца «Мэн» в Гаванской бухте. Кстати, если среди зрителей найдутся желающие заполучить на руку трехцветное изображение якоря, американского флага или имени возлюбленной, подходите к помосту, не стесняйтесь. Мореход предлагает вам свои услуги. Боязливых просят не обращаться.

Фрэнсис Ксавье Мартин: Эх, какая все-таки красавица эта брюнеточка на электрическом стуле. Вот бы ее осчастливить, да так, чтоб мало не показалось... Только Бруно на меня обрушится тонной кирпичей... Интересно, запомнила ли меня та рыженькая, из Уотервилля? Господи, как подумаю, так сразу и стояк. Фигуристая такая, а главное – с понятием. Но все-таки Молли, чернявенькая, полный снос башки. Сиськи такие задорные, торчком торчат без всяких там лифчиков и подкладок. Вот где благодать Господня. Даст бог, Бруно в один прекрасный день возьмется гнуть подковы, да и надорвется, тут его удар и хватит. Черт возьми, а ножки у этой Молли как у скаковой лошади! Может, подкатить к ней хоть разок, а потом дать деру из этого балагана? Ради такого дела не жалко.

– Сюда, сюда, дамы и господа! Взгляните на помост. Перед вами самая удивительная девушка на всем белом свете. Вот здесь, рядом с ней, вы видите точную копию электрического стула из тюрьмы «Синг-Синг»...

Мэри Маргарет Кэхилл: И не забывай улыбаться. Папа всегда так говорил. Ах, как жаль, что папы нет. Вот бы увидеть его среди зрителей, он бы усмехнулся мне, и все бы прошло отлично. Ладно, пора скидывать халат, пусть плятятся. Ох, папочка, спаси и сохрани...

Когда Молли была маленькой, папа учил ее всяким забавам. Было очень весело. Вот, например, как выйти из гостиницы будто ни в чем не бывало, спрятав под платьем два других, самых лучших. Однажды в Лос-Анджелесе Молли так и сделала, все свои вещи спасла. А папу в тот раз чуть не поймали, ему пришлось выкручиваться. Он тогда всех заболтал. Он здорово умел всех забалтывать. Всякий раз, когда грозили неприятности, Молли делалось как-то щекотно от возбуждения. А еще – радостно, потому что она знала: папа всегда выпутается, даже если все вокруг считали, что прижали его к ногтю. Папа был просто замечательный.

У него всегда были очень приличные знакомые. Мужчины иногда бывали навеселе, а вот дамы все как на подбор были красавицами. По большей части рыжеволосыми. Они очень мило обращались с Молли, а когда ей исполнилось одиннадцать, стали учить ее пользоваться помадой. В первый раз Молли от усердия накрасила губы слишком сильно. Папа рассмеялся и сказал, что она будто бы сбежала из борделя и по ней каталажка плачет.

Тогдашняя папина приятельница – ее звали Алисой – шикнула на него и сказала:

– Подойди-ка сюда, солнышко. Я тебе покажу, как надо. Давай все это сотрем и начнем заново. Главное, чтобы никто не заподозрил, что ты пользуешься косметикой. В твоём возрасте это ни к чему. Вот, смотри... – Пристально погля-

дев на Молли, она продолжила: – Чуть-чуть тут, и вот тут. А больше нигде румян тебе не нужно, кто бы что ни говорил. У тебя лицо угловатое, его нужно немного смягчить и вроде бы округлить.

Она показала Молли, как это делается, а потом заставила все смыть и предложила попробовать самостоятельно.

Молли хотела, чтобы папа ей помог, но он ответил, что это не его дело, ему больше пристало косметику размазывать, особенно по воротничкам рубашек. Молли очень боялась, что сама сделает все неправильно, и в конце концов расплакалась, а папа посадил ее к себе на колени, и Алиса снова показала ей, как это делается, и после этого Молли всегда пользовалась косметикой, только посторонние об этом не догадывались. «Ах, мистер Кэхилл! – восклицали они. – Какая у вас очаровательная дочка! Здоровенькая, розовощекая!» А папа говорил: «Да-да, мадам, я ее пою исключительно цельным молоком и спать укладываю пораньше». Тут он всегда подмигивал Молли, потому что она не любила молока, а папа утверждал, что пиво даже лучше, только она и пиво не очень любила, но оно всегда было приятным и холодным, а к нему подавали соленые сухарики и все такое. А еще папа говорил, мол, рано ложиться спать и вовсе ни к чему, так все интересное пропустишь. Утром всегда можно отоспаться всласть, если, конечно, не надо спозаранку идти на ипподром, смотреть, как тренируют лошадей, и замерять время. Так что лучше лечь попозже.

Вот только когда папа выигрывал на скачках, он вечно кутил, а если он кутил, то отправлял Молли спать, когда гулянье было в самом разгаре, потому что гости всегда предлагали ей выпить. Спиртное ей не нравилось. Однажды в гостинице, где они с папой остановились, какая-то девушка ужасно напилась и начала при всех раздеваться, так что ее пришлось уложить спать в номере по соседству с Молли. Туда всю ночь заходили люди, а на следующий день явились копы и арестовали девушку, а Молли слышала, как все вокруг только это и обсуждали, а потом кто-то сказал, что девушку отпустили, но она попала в больницу, потому что как-то поранилась изнутри. После этого Молли очень боялась напиться допьяна, ведь мало ли что может произойти, а мужчин к себе допускать нельзя ни в коем случае, кроме как по любви. Ну, все так говорили, а тех, кто занимается любовью без любви, называли шалавами. Молли была знакома с несколькими дамами, которые были шалавами, и однажды спросила папу, почему они шалавы, а он ответил, что они позволяют себя обнимать и целовать всем без разбору, за подарки или за деньги. А так делать нельзя, если только не имеешь дело с хорошим человеком, который тебя не подведет и не задаст стрекача, если у тебя вдруг ребенок объявится. Папа говорил, что нельзя заниматься любовью с человеком, если брезгуешь пользоваться его зубной щеткой. Он утверждал, что это надежное правило, и если его соблюдать, то все будет хорошо.

Молли не брезговала пользоваться папиной зубной щеткой и частенько так и поступала, потому что вторую щетку вечно забывали в гостинице или папа брал ее, чтобы начистить зубным порошком свои белые туфли.

Молли просыпалась раньше папы и часто запрыгивала к нему на кровать, а он кряхтел и притворно храпел, что было ужасно смешно, а потом притворялся, что к нему в постель залез сурок, и начинал возмущаться, что гостиничная прислуга совершенно распустилась и допускает такое безобразие, а потом обнаруживал, что это не сурок, а Молли, целовал ее и велел поскорее одеться и сбегать в гостиничную табачную лавку за ипподромной программкой.

Однажды утром Молли подбежала к папиной кровати, а там спали папа и какая-то дама. Очень хорошенькая, без ночнушки. И папа тоже был без пижамы. Молли сообразила, что случилось: папа всю ночь кутил и забыл надеть пижаму, а дама тоже кутила, и папа привел ее в номер отоспаться, потому что она перебрала и не могла добраться домой, и хотел уложить ее спать с Молли, но так и уснул вместе с ней. Молли осторожно приподняла покрывало и увидела, какой станет она сама, когда вырастет.

Потом она оделась, пошла в гостиничный вестибюль, бесплатно получила программку скачек и вернулась в номер, где папа все еще спал с дамой, которая теперь тесно прильнула к нему. Молли долго стояла в уголке и молчала, надеясь, что они проснутся, заметят ее, а она подбежит к ним с

криком «Бу-у!», и они испугаются. Дама тихонько застонала, папа приоткрыл один глаз и обнял ее. Она распахнула глаза, сказала: «Доброе утро, сладенький», сонно и протяжно, а папа начал ее целовать, и тогда она совершенно проснулась и тоже стала его целовать. А потом папа подмял ее под себя и начал подпрыгивать на кровати вверх-вниз, и Молли решила, что все это очень смешно, и расхохоталась в голос, а дама завизжала и крикнула: «Выгони девчонку!»

Папа был просто замечательный. Он лукаво поглядел на Молли через плечо и сказал: «Посиди-ка ты полчасика в вестибюле, разметь программку и найди мне парочку победителей. А я пока Куини потренирую, а то она от испуга может ногу вывихнуть». Папа не пошевелился, пока дочь не вышла из номера. В коридоре, услышав, как закрипела кровать, Молли задумалась, воспользуется ли эта дама папиной зубной щеткой, потому что самой Молли ужасно не хотелось бы потом брать в руки эту самую щетку. Молли брезговала.

Когда Молли исполнилось пятнадцать, один из грумов на конюшне позвал ее на сеновал. Молли пришла, а грум схватил ее и стал целовать, но он ей совсем не нравился и целоваться с ним она не хотела, а вдобавок все случилось так внезапно, поэтому она начала отбиваться и закричала: «Папа! Папа!», потому что грум начал ее лапать, и папа прибежал на сеновал и ударил грума так сильно, что тот без чувств повалился на сено, будто умер, только он не умер. Папа обнял Молли за плечи и спросил: «Все в порядке, малышка?»

Он поцеловал ее, прижал к себе и не выпускал целую минуту, а потом сказал: «Гляди в оба, ребяенок. На свете полным-полно волков. А этот стервец к тебе больше приставать не будет. Но ты все равно гляди в оба». Молли улыбнулась и ответила: «Я бы ни за что к его зубной щетке не притронулась». А папа усмехнулся и легонечко приподнял ей подбородок кулаком. Молли больше не боялась, но после этого никогда не отходила от папы или от других девушек. Жалко, что все так произошло, потому что с тех пор ей было не по себе на конюшне, а с гругами и жокеями она теперь заговаривала с опаской, не так, как раньше, а они все равно пялились на ее грудь, и из-за этого Молли вся обмякала от страха, даже если они и вели себя прилично и вежливо.

Вообще-то, она обрадовалась, что у нее начала расти грудь, и постепенно привыкла к тому, что мальчишки на нее пялятся. Иногда она оттягивала ворот ночнушки пониже, чтобы было декольте, как у дам в вечерних туалетах, а в один прекрасный день папа купил ей настоящее бальное платье. Прекрасное-распрекрасное. Бледно-розовое, если смотреть на него под одним углом, и золотистое, если под другим, с открытыми плечами и низким вырезом. Просто чудесное. Но как раз в этот год Швертовый и проиграл, а папа как раз на него поставил, а чтобы сделать ставку, пришлось все вещички продать. В общем, после этого они вернулись в Луисвилл. В прошлом году это было.

Папа устроился на работу к старому приятелю, в игорное

заведение у реки. Папа был управляющим и все время носил фрак.

Жизнь наладилась, и папа, как только расплатился с некоторыми долгами, записал Молли в танцевальную школу, чтобы дочь научилась чечетке и акробатическим этюдам. Молли очень нравилось показывать папе новые движения. Папа и сам неплохо танцевал в мягких туфлях, хотя никогда этому не учился. Он говорил, что у него ирландские ноги. А еще он хотел, чтобы она выучилась музыке и пению, только у нее, как у мамы, не оказалось голоса. На школьном утреннике Молли исполнила гавайский танец, в настоящей юбке-хула, которую какой-то знакомый прислал папе из Гонолулу, и распущенные волосы черным облаком колыхались по плечам, и в волосах были яркие цветы, а лицо было ярко накрашено, и все аплодировали, а некоторые мальчишки свистели, и из-за этого папа очень рассердился, считая, что они ведут себя неприлично, но Молли все очень понравилось, потому что папа был в зале, среди зрителей, а значит, все остальное не имело никакого значения.

В шестнадцать, когда она стала уже совсем взрослой, все пошло наперекосяк. Появились какие-то типы из Чикаго, и у папы на работе начались неприятности. Молли так и не узнала, какие именно неприятности, но однажды ночью, часа в два, в дом ввалились двое каких-то здоровяков. Молли сразу поняла, что это копы, и поначалу обомлела, решив, что папа наверняка что-то натворил и его пришли арестовывать,

но вовремя вспомнила, как папа учил ее обращаться с полицейскими: улыбаться, строить дурочку и называть себя ирландским именем.

Один коп спросил:

– Ты дочка Денни Кэхилла?

– Да, – ответила Молли.

– У меня плохие новости, деточка. Об отце.

Тут Молли почувствовала, что оскальзывается, будто на стекле, как будто весь мир резко накренился и превратился в скользкое стекло, а она с него скатывается в непроглядную темноту, все падает и падает, потому что этой темноте конца-края нет.

Оцепенев, она пролепетала:

– Рассказывайте.

– Твоего отца побили, деточка. Сильно побили, – сказал коп, не как полицейский, а как человек, у которого, наверное, тоже есть дочь.

Молли подошла к нему поближе, потому что боялась упасть.

– Папа умер? – спросила она.

Коп кивнул и приобнял ее за плечи, а больше она ничего не помнила и очнулась только в больнице, вся какая-то вялая и сонная, и решила, что с ней что-то произошло, и стала звать папу, а строгая медсестра велела ей молчать, и тогда Молли вспомнила, что папа умер, и зашлась криком, будто смехом, только ужасным, безостановочным, и ей уко-

лоли руку шприцем, и она снова забылась, и так несколько раз, а когда она наконец успокоилась, ей сказали, что надо освобождать койку, потому что другие пациенты ждут.

Дедушка Молли, судья Кинкейд, позволил Молли пожить у него с теткой, с одним условием – Молли должна поступить на курсы делопроизводства и через год устроиться на работу. Молли честно старалась, но в голове ничего не удерживалось, хотя она прекрасно помнила результаты всех скачек прошлых лет. Судья странно посматривал на нее и несколько раз заговаривал с ней приветливо и ласково, но потом снова суровел. Молли старалась держаться вежливо и называла его дедушкой, но ему это не нравилось, а однажды она подбежала к нему и нарочно обняла за шею, посмотреть, что из этого выйдет. Он страшно разозлился и велел тетке выгнать Молли из дома, чтобы ее ноги здесь не было.

Как все-таки ужасно было без папы, даже поговорить не с кем, и Молли очень жалела, что не умерла вместе с ним. В конце концов школа танцев дала ей стипендию, и Молли училась и подрабатывала, обучала танцам малышей, и мисс Ла Верн, директриса школы, взяла Молли на постой. Сначала мисс Ла Верн хорошо относилась к Молли, и дружок мисс Ла Верн, Чарли, тоже хорошо с ней обращался, он был смешной, толстый, все время сидел, по-лягушачьи растопырив на коленях пухлые ладони, пальцами внутрь, пучил глаза и пялился на Молли.

Потом мисс Ла Верн рассердилась и сказала, что пусть

лучше Молли ищет постоянную работу, но Молли не знала, с чего начать, и тогда мисс Ла Верн спросила: «Если я найду тебе работу, ты ее не бросишь?» Молли пообещала не бросать.

Работа нашлась в бродячем цирке. Две девушки и Молли исполняли гавайские танцы, так называемые хучи-кучи. Зазывалой в балагане был некий Док Абернати. Молли он совсем не нравился, он все время приставал к девушкам. Одна из танцорок, Жанетта, считалась его подружкой и постоянно ревновала его к другим танцоркам. Док ее нарочно подзуживал, притворялся, что за ними ухлестывает.

Зато Молли очень нравилась Зена, ясновидящая из балагана «Десять в одном», ее помост был как раз напротив. Зена была хорошая, прекрасно разбиралась в жизни и в людях, ничуть не хуже Моллиного папы. Когда цирковые останавливались в гостиницах, Зена всегда делила номер с Молли, за компанию, потому что муж Зены оставался ночевать в балагане, чтобы присматривать за реквизитом. На самом деле он был горький пьяница и больше не мог заниматься любовью с Зеной. Зена с Молли очень подружились, и Молли перестала жалеть, что не умерла.

Жанетту ужасно злило, что Док обращает столько внимания на Молли, и она утверждала, что Молли его завлекает. Вторая танцорка сказала Жанетте: «С такими буферами, как у Молли Кэхилл, никого и завлекать не надо». Но Жанетта все равно злилась. Однажды Док что-то сказал ей про Мол-

ли, и Жанетта бросилась на нее, как дикий зверь, оскалив зубы. Она ударила Молли по лицу, а Молли сдернула с ноги туфлю и стала колотить Жанетту по голове. Док подбежал к ним и начал драться с Жанеттой. Она визжала и ругалась, а Док велел ей заткнуться, иначе он ей все сиськи отобьет. Молли побежала к управляющему, и он уволил Дока, так что тому вместе со своими танцорками хучи-кучи пришлось возвращаться в Нью-Йорк.

– ...Пятнадцать тысяч вольт электричества проходит сквозь ее тело, не причиняя ей ни малейшего вреда. Дамы и господа, позвольте представить вам мамзель Электру, которая, как Аякс из Священного Писания, неуязвима для молний...

Дай бог, чтобы с проводкой ничего не случилось. Ох, был бы здесь папа. Боже мой, как мне его не хватает. Главное, не забывать улыбаться...

– Стань вот сюда, Тедди, держи маманьку за руку. Отсюда и виднее будет, и не затопчут в суматохе. Вот это, значит, лектрический стул, такой же, как в тюрьме. Нет-нет, с тетей на стуле ничего не случится. Ну, я надеюсь. Видишь? Ее привязывают к стулу, крепко-накрепко, только ее тело не приемлет лектричества. Лектричество ей – что с гуся вода. Не бойся, Тедди. Ничего плохого ей не сделают. Вот, смот-

ри, как волосы у ей-то вздыбились. Говорят, от молнии тоже так бывает. Ну вот. Видишь? У нее в одной руке электрическая лампочка, а в другой провод. Видишь? О, лампочка зажглась. Значит, электричество проходит через тетю и не причиняет ей никакого вреда. А вот папаня твой так с электричеством не умеет. В прошлую зиму вызвался помочь Джиму Харнессу дорогу расчищать, когда бураном провода оборвало, так здоровенный ожог заработал, долго не заживало. Ну пойдем, Тедди. Здесь больше ничего не покажут.

Уф, можно вставать. Мартин-мореход снова на меня пялится. Не могу же я все время отказываться от его приглашений на свидание. А он такой хват, быстрее меня соображает. Только ничего ему не обломится. Нельзя быть шалавой. И не хочу я, чтобы вот так, в первый раз... Ой, папа...

Стэнтон Карлайл: Великий Стэнтон встал, с улыбкой оглядел море поднятых голов и глубоко вздохнул.

– Что ж, дамы и господа, для начала я покажу вам, как делать деньги. А найдется ли среди вас человек, который ссудит мне долларовую купюру? Честное слово, вы ее получите назад – если догоните, конечно. Спасибо, дружище. Так вот... В одной руке пусто, в другой тоже, в рукавах ничего не спрятано.

Стэн продемонстрировал раскрытые ладони с зажатой между пальцами купюрой, подергал рукава, подтянул, неза-

метно выудил из складок левого рукава свернутые трубочкой банкноты.

– Так вот, один доллар... Погоди-ка, дружище. Ты дал мне один доллар? Точно? Значит, это все твои сбережения? Но гляньте, здесь их два. Вот один, а вот и второй. Пересчитайте. Очень полезный трюк, особенно ближе к получке.

Кого смешат замшелые шутки? Каждого пятого. Не забывай. Каждый пятый – чурбан.

Демонстрируя купюры одну за другой, Стэн расправил их зеленым веером. Потом вручил пареньку его доллар. При этом он повернулся правым боком к зрителям и зажал в свободной руке металлическую чашечку, подвешенную на не приметной резинке к левому бедру.

– Что ж, раз они взялись из ниоткуда, посмотрим, что получится, если свернуть их трубочкой. Один, два, три, четыре, пять, шесть... Все на месте. Ну-ка, сворачивайтесь... – Он переложил свернутые купюры в левую руку, ловко всунув их в чашечку. – Дунем, плюнем... – Выпущенная из ладони чашечка мягко шлепнула по бедру, скрытому пиджачной полрой. – Опля! Исчезли.

Зрители робко, как-то смущенно захлопали в ладоши. Вот чурбаны.

– Куда же они делись? Вот так я и стою тут каждый день, все думаю, куда это деньги деваются...

Трюк из репертуара Терстона. Видит бог, я с этим фокусом не расстанусь до тех пор, пока не увижу среди этих ло-

хов того, кто наконец-то поймет, в чем тут соль. Только этого никогда не случится. Зато всех впечатляет трюк с долларовой купюрой. Вот о чем мечтают эти жалкие нищелюбы – делать деньги из воздуха. Ну, сам я так денег не делаю, но мой способ куда лучше сделок с недвижимостью. Ими занимается отец. По воскресеньям он церковный староста, а в остальные дни недели – мошенник. Да ну его к черту, святошу поганого.

– А теперь попрошу минуточку внимания. Вот здесь у меня кольца. Металлические кольца, каждое по отдельности, каждое из чистой стали. Ну-ка, сосчитаем. Одно, два, три-четыре-пять-шесть-семь-восемь. Верно? Выберу-ка я два. Стукну их друг о друга. Дзинь! Надо же, сцепились! Возьмите их, пожалуйста, мэм, проверьте, нет ли в них стыков или разрезов. Нет? Благодарю вас. Цельнометаллические кольца. И вуаля – вот они снова по отдельности. А теперь раз – и сцепились.

Так, быстрее, быстрее, публика начинает отвлекаться. Что ж, дело житейское. Все смотрят на тебя. Как он это делает? Надо же, какой ловкач. Каждый пытается сообразить, в чем тут дело. Для них это волшебство. А для тебя – жизнь. Пока они смотрят и слушают, им можно впаривать что угодно. Тебе поверят. Ты волшебник. Ты способен сцеплять и разнимать цельнометаллические кольца. Делать деньги из воздуха. Волшебство. И ты здесь главный – до тех пор, пока продолжаешь трепать языком.

– А сейчас, дамы и господа, взгляните – восемь отдельных стальных колец, но стоит мне произнести волшебное слово, как они сольются в единый кусок стали. Опля! Благодарю за внимание. Между прочим, тут у меня есть книжица, прямо-таки на вес золота. В ней описаны фокусы, которыми вы без особого труда сможете весь вечер развлекать ваших приятелей в клубе, прихожан в церкви да и просто гостей вашего дома. Все трюки легче легкого освоить за час, а волшебство, радость и тайна останутся с вами на всю жизнь. Обычно за подобные сборники просят доллар, но сегодня вам он обойдется всего в четвертак. Двадцать пять центов! Не мешкайте, дамы и господа, я знаю, что все вы хотите увидеть и услышать мадам Зену, нашу провидицу, но ее выступление начнется лишь после того, как все желающие обзаведутся сборниками фокусов. Благодарю вас, сэр. И вам спасибо. Есть еще желающие? Погодите, дамы и господа, не расходитесь. Следующее представление начнется через двадцать минут. А пока взгляните на соседний помост. Вот она, мадам Зена – чудо-женщина. Всевидящая, всезнающая, она расскажет вам о всех тайнах вашего прошлого, настоящего и будущего. Мадам Зена!

Стэн легко соскочил с помоста и протолкнулся сквозь толпу к небольшой сцене, задрапированной бордовым бархатом. Из-за занавеса выступила высокая женщина. Зрители окружили сцену и замерли в ожидании, рассеянно набивая рты горстями попкорна.

Подол белоснежного одеяния провидицы украшали астрологические символы. На спину ниспадал водопад золотистых волос, а лоб перехватывала полоска золоченой кожи, усеянная гранеными стекляшками. Женщина воздела руки – крупные, широкие в кости, – просторные рукава скользнули к плечам, обнажив белую кожу, усеянную веснушками. На круглом лице сияли голубые глаза, рот был немного маловат, что делало ее похожей на роскошную куклу. Она заговорила глубоким, проникновенным голосом:

– Подходите, дамы и господа, не стесняйтесь. Тем, кто хочет задать мне вопрос, мистер Стэнтон раздаст листки бумаги и конверты. Напишите вопрос на листке, стараясь, чтобы никто не видел, что вы пишете, потому что это личное дело каждого. Не спрашивайте меня о чужих делах. Если каждый будет заниматься только своим делом, то у всех нас будет меньше неприятностей. Итак, запишите вопрос, пометьте его своими инициалами или же, если вы мне доверяете, укажите свое полное имя. Заклейте конверт и отдайте его мистеру Стэнтону. Потом вы своими глазами увидите, что будет. Что ж, пока вы записываете свои вопросы, я начну. Разумеется, записывать вопрос вовсе не обязательно, но написанное поможет вам закрепить вопрос в уме, не даст вам от него отвлечься – ведь и для того, чтобы запомнить чье-то имя, лучше всего его записать, верно?

Каждый пятый зачарованно закивал, а остальные продолжали смотреть на сцену, некоторые тупо, но большинство –

с вопросительным выражением на лицах.

Вопросы? Вопросы есть у всех, думал Стэн, раздавая листки бумаги и конверты. У кого их нет? Ответ на вопрос, и человек твой, со всеми потрохами. Ну почти.

– Да, мэм, спрашивать можно что угодно. Все вопросы рассматриваются конфиденциально. Никто, кроме вас, о них не узнает.

– Во-первых, – начала Зена, – среди вас есть женщина, которая беспокоится о матери и мысленно спрашивает, выздоровеет ли она. Ну, кто из вас задает мне этот вопрос?

В толпе робко поднялась рука.

– Что ж, мэм, – живо откликнулась Зена, – вашей матери выпала нелегкая доля. Тяжелый труд, горести, бедность. Кроме этого, я чувствую еще что-то, но покамест от меня оно скрыто.

Стэн поглядел на женщину с поднятой рукой. Жена фермера. В лучшем воскресном наряде десятилетней давности. Зене есть где разгуляться. Как по заказу.

– Мэм, ну что я могу сказать? Вашей матери нужно хорошенько отдохнуть. Заметьте, отдыха я ей не сулю – сами знаете, налоги высокие, родственники болеют, а за докторов надо платить. Мне знакомы все эти невзгоды, потому что и на мою долю, как и на вашу, сыпались всевозможные беды и тягости – до тех пор, пока я не научилась строить свою жизнь по звездам. Но по-моему, вы и ваши братья – хотя о чем это я, у вас же сестры... Одна сестра? Что ж, вы с сестрой на-

верняка сумеете выкроить для матери пару недель отдыха, и тогда ее здоровье пойдет на поправку. Конечно, если строго следовать указаниям врача. То есть обязательно вызовите к ней врача. Никакие патентованные средства ей не помогут. Ей нужен доктор. Может быть, он согласится принять в счет оплаты пару мешков картошки или поросенка. И тогда с ней все будет хорошо. Особенно если вы крепки в вере. Если хотите, зайдите ко мне после сеанса, может быть, я смогу сказать вам больше. И не забывайте о звездах, помните, что в дурное время лучше ничего не предпринимать. А, мистер Стэнтон уже собрал конверты с вопросами. Сейчас он принесет их мне на сцену, и мы продолжим сеанс.

Протолкавшись между зрителями, Стэн скользнул в занавешенную дверцу в торце помоста. За дверью было сумрачно, пахло дешевым виски. Дощатая лесенка вела на сценический помост, а под ее ступенями виднелось квадратное оконце, за которым находился крошечный закуток под сценой. В закутке мелькнуло заспанное небритое лицо, белоснежная рубашка. Из оконца высунулась рука со стопкой конвертов. Стэн безмолвно подменил собранные конверты новыми и быстро поднялся на сцену. Зена подошла к столику, на котором стояли металлический таз и бутылка темного стекла.

– А сейчас мы попросим мистера Стэнтона сложить все ваши вопросы в эту чашу. Меня часто спрашивают, прибегаю ли я к помощи потусторонних духов, а я всякий раз отвечаю, что единственный дух, к помощи которого я прибе-

гаю, заключен вот в этой бутылке. Чистый спирт. Я плесну немного на ваши конверты и брошу в чашу зажженную спичку. Видите, загорелось? Вот все ваши вопросы и сгорели синим пламенем. Так что не стоит даже опасаться, что о них узнают или что я буду их читать. К вашим запискам я не прикасалась и не прикоснусь. Мне это без надобности, потому что я чувствую, что в них написано.

Стэн отошел в угол сцены и украдкой наблюдал за зрителями, которые, вытянув шеи, внимали каждому слову провидицы. Помост был на несколько дюймов выше голов публики, и в нем было проделано неприметное квадратное отверстие. Зена провела рукой по лбу, прикрыла глаза ладонью. В отверстии появилась страничка блокнота, прижатая грязным пальцем. На листке карандашом было накорябано: «Что делать с возком? Д. Э. Джайлс».

Зена окинула зрителей взглядом, решительно сложила руки на груди.

– Я чувствую... смутно, но ощущение постепенно становится все яснее и яснее... Инициалы... Д... Э... Дж... Мужчина... Верно? Прошу вас, господин с такими инициалами, поднимите руку.

Старый фермер выставил палец, узловатый, как виноградная лоза:

– Я здесь, мэм.

– Ах вот вы где! Благодарю вас, мистер Джайлс... Ваша фамилия Джайлс, не так ли?

Зрители дружно ахнули.

– Так я и знала. Что ж, мистер Джайлс, вы в затруднении, верно?

Старик хмуро кивнул. Дочерна загорелую шею иссекали глубокие морщины. Землепашец, сообразил Стэн. В воскресном костюме. Белая рубашка, черный галстук. В общем, то, что надевают на похороны. Галстук-самовяз, крепится к пуговице на воротничке. Костюм синей саржи, из дешевого универмага «Сирс, Робак» или из городской лавки.

– Погодите... – продолжала Зена, снова прикладывая ладонь ко лбу. – Вижу... Деревья, холмистую равнину... Пашню. Огороженные поля...

Старик изумленно раззявил рот, сощурил глаза, стараясь не пропустить ни слова.

– Да-да, деревья... Ивы у ручья. А под ивами что-то стоит... Возок.

Старик восхищенно закивал.

– Под деревьями стоит старый возок, выкрашенный синим.

– Боже святой, мэм, все точно так и есть!

– Разумеется. Так вот, ваши затруднения как-то связаны с этим возком, не так ли? Вы не знаете, что делать с возком. А теперь, мистер Джайлс, позвольте мне дать вам совет: ни в коем случае не продавайте этот старый синий возок.

Старик решительно мотает головой:

– Нет-нет, мэм, как же мне его продавать? Это же не мой

ВОЗОК.

По толпе пролетают смешки. Какой-то юнец регочет в голос. Зена перекрывает гогот своим глубоким, низким смехом.

– Вот как раз это я и хотела выяснить, друг мой. Дамы и господа, перед нами – честный человек, и я предпочитаю иметь дело только с такими. Конечно же, он и не помышляет о том, чтобы продать то, что ему не принадлежит. Это радует. Но позвольте мне задать вам один-единственный вопрос, мистер Джайлс. Что не так с этим возком?

– Пружина под сиденьем лопнула, – недоуменно пробормотал старик.

– Так вот, теперь мне абсолютно ясна причина ваших затруднений. Надо ли чинить сиденье, прежде чем возвращать возок, или можно вернуть его с поломанным сиденьем и ничего об этом не сказать хозяину? Верно?

– Совершенно верно, мэм! – воскликнул старый фермер, торжествующе оглядываясь по сторонам.

– В таком случае поступайте так, как вам подсказывает совесть. На вашем месте я бы побеседовала с хозяином возка, разузнала, не была ли пружина слабовата, когда вам одолжили возок. Ну а там уж вы и сами разберетесь.

Стэн незаметно ушел со сцены и осторожно спустился по ступенькам за занавесом. Пробравшись под лестницей, он вышел в закуток под сценой. Сквозь щели в дощатых стенках помоста пробивались лучики света и сухие травинки, по-

ловицы сцены поскрипывали над головой. В духоте резко и приторно пахло виски.

Пит сидел за карточным столиком под квадратным люком сцены и трясущимися руками орудовал ножницами, вскрывая конверты с вопросами. При виде Стэна он смущенно ухмыльнулся.

На сцене Зена завершала свое выступление:

– А теперь, дамы и господа, если вы действительно желаете знать, как звезды влияют на вашу жизнь, вам не придется потратить ни доллара, ни даже пятидесяти центов. Я заранее произвела астрологические расчеты, и тот, кто захочет сообщить мне дату своего рождения, получит предсказание будущего, а также полное определение характера, консультацию о роде занятий, набор счастливых чисел, информацию о счастливых днях недели и фазах луны, наиболее благоприятствующих успеху ваших начинаний. Мое время ограничено, дамы и господа, поэтому не мешкайте. Предсказания обойдутся вам всего в двадцать пять центов. Я выдаю их в порядке живой очереди, у меня их осталось не так уж и много.

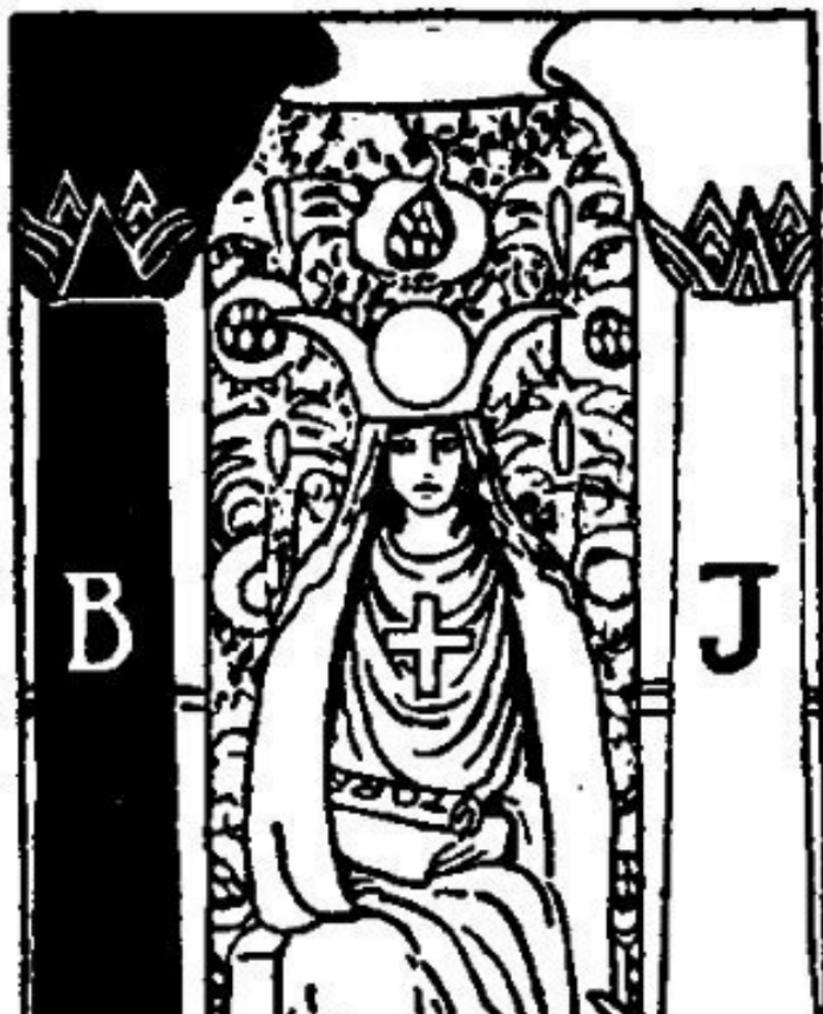
Стэн выбрался из-под сцены, тихонько раздвинул занавес, вышел в относительно прохладный балаган и направился к ларьку с газировкой.

Фокусы – это неплохо, но вот если бы я разбирался в человеческой натуре так же хорошо, как Зена... Она всегда выступает с большим успехом, умеет убеждать. Но без подготовки у меня так не получится. Умение гладко и связно тре-

пать языком отрабатывается годами. Зена ни разу не сбилась. Надо бы найти к ней подход, глядишь, чему и научит. Очень умная дамочка. Жаль только, что связалась с этим забулдыгой Питом, хоть у него больше и не стоит, так все говорят. А сама она еще очень даже ничего. Не первой молодости, конечно, но...

Погоди-ка, погоди-ка... Может, с этого и начать?

Карта III
Верховная жрица

Царица отраженного света, охраняющая святилище между столпами Ночи и Дня.

Сквозь залитое дождем лобовое стекло задние фары грузовика расплывались рубиновыми пятнами в темноте. Дворники ритмично, завораживающе пощелкивали – тик-ток, тик-ток, – мазали щетками по стеклу. Стэн сидел между двумя женщинами и вспоминал чердак родного дома в дождливую погоду – уединенное место, скрытое от любопытных глаз, уютное, душное, потайное.

Справа, у двери, сидела Молли, прислонив голову к оконному стеклу. Она закинула ногу на ногу, плащ зашуршал. На водительском сиденье Зена склонилась к рулю, вглядываясь во тьму между взмахами дворников, вслепую вела машину за грузовиком, везущим ящик со змеями, реквизит балагана гика, гири Бруно и багаж Мартина с его инструментом для татуировки. Гик с бутылкой в обнимку съежился под брезентом, накинутым на груз.

Когда караван остановился у переезда, в свете фар Зена разглядела коренастую фигуру Бруно в дождевике. Силач выскочил из кабины и заглянул в кузов, под брезент, проверяя, хорошо ли закреплены гири. Потом подошел к машине, встал на подножку. Зена приоткрыла окно со своей стороны.

– Привет, немчура. Ну что, мокро тебе?

– Чуть-чуть, – негромко ответил Бруно. – А вы тут как?

Как Пит?

– Дрыхнет на заднем сиденье. Ну что, будем ставить шатры в такое ненастье?

Бруно помотал головой, посмотрел куда-то сквозь Зену и Стэна, задержал печальный взгляд на Молли, которая даже не повернулась.

– Да я так, проверяю, все ли в порядке, – пробормотал Бруно и, освещенный фарами, под дождем побрел к грузовику, скрывшись в темноте.

Грузовик тронулся; Зена переключила сцепление.

– Хороший парень, – заметила она. – Молли, ты б к нему присмотрелась.

– Нет, спасибо, – сказала Молли. – Мне и так хорошо.

– Да ладно тебе. Ты уже не маленькая. Можно и повеселиться. Судя по всему, Бруно тебя не обидит. Вот у меня в юности был дружок, лесоруб, такой же здоровяк. Ох, ну и лихой же!

Будто только сейчас сообразив, что прижалась бедром к ноге Стэна, Молли поспешно отодвинулась подальше.

– Нет уж, спасибо, мне и без него весело.

Зена шумно вздохнула:

– Ну тогда не спеши, детка. Может, просто время твое еще не пришло, подходящий парень не встретился. А ты, Стэн, постыдился бы. Как мы с Питом поженились, мне всего семнадцать было. А Пит был не старше Стэна. Тебе сколько лет, Стэн?

– Двадцать один, – негромко ответил он.

Приблизившись к повороту, Зена напряглась, крутанула руль. Стэн ощутил ее упругое бедро.

– Да, вот ведь было времечко. Пит выступал с магическим кристаллом в варьете, изрекал предсказания. Ах, он был такой красавчик! Как наденет фрак, так сразу будто на две головы выше становится. В тюрбане, с черной бородкой... Я тогда горничной в гостинице работала. Он заселился в номер, я принесла полотенца и по дуруости попросила погадать мне. Мне тогда еще никто судьбу не предсказывал. Он поглядел мне на ладонь и заявил, что меня ждет судьбоносная встреча с высоким брюнетом. А меня смех разобрал, потому что Пит был такой красавчик. Мужчины меня никогда не смущали. Если бы не это, я бы и дня в гостинице не продержалась. А так надеялась подцепить какого-нибудь игрока, из тех, что в казино играют или на тотализаторе ставки делают, на скачках. Думала, может, такой пособит мне стать актрисой.

– Мой папа играл на тотализаторе, – внезапно сказала Молли. – Он хорошо разбирался в лошадях. И умер при деньгах.

– Надо же, – удивилась Зена, на миг отвела глаза от рубиновых огоньков впереди и ласково поглядела на Молли. – Я и не знала. В мое время игроки были королями. Девчонка, которой удавалось подцепить игрока, считалась счастливницей. Мы с пятнадцати лет начинали, а то и с четырнадцати.

Господи, пятнадцать лет пролетело. Иногда кажется, будто вчера все было, а иногда – будто миллион лет назад. Да, игроки умели разбивать сердца. Вот твой папа наверняка был красавец, верно? Девочки обычно похожи на папу.

– Еще какой красавец! Я не встречала мужчин привлекательнее папы. Так ему и говорила, что не выйду замуж, пока не встречу такого же красивого. И доброго. У меня был замечательный папа.

– Значит, высокий красивый брюнет. Что ж, Стэн, тебе здесь ловить нечего. Не в смысле роста, ты ведь у нас высокий. Но Молли нравятся брюнеты.

– Ну, можно и перекраситься, – сказал Стэн.

– Не-а, не выйдет. Может, лохи и купятся, златовласый ты наш, но жену не обманешь. Разве что с ног до головы в брюнета выкрасишься. – Зена расхохоталась, запрокинув голову.

Стэн тоже засмеялся, и даже Молли захихикала.

– Нет, Пит был настоящим брюнетом, – продолжила Зена. – А какой любовник! Мы с ним поженились на второй год после того, как я с ним начала выступать. Поначалу я наряжалась капельдинером и собирала для него конверты с вопросами. А потом мы придумали новый номер. Пит на сцене глядел в магический кристалл, а я работала с публикой. Мы пользовались словесным кодом, чтобы тянуть время, пока другая девушка собирала записки с вопросами и передавала их за сцену. В общем, я просила зрителей незаметно дать мне что-нибудь из личных вещей, а Пит смотрел в кристалл

и подробно описывал эти предметы. Сперва у нас был простой код для обозначения десяти самых распространенных вещей, но я все время ошибалась, и Питу приходилось выкручиваться. Но потом я все выучила назубок. Ах, видели бы вы, как мы выступали в варьете Кита! Ей-богу, мы прямо телеграфировали открытым текстом, только никто ни о чем не догадывался, так все выглядело естественно.

– А почему вы ушли из варьете? – спросил Стэн, тут же сообразив, что задавать этот вопрос не стоило. Жаль, сказанного не воротишь. Он умолк.

Несколько минут Зена сосредоточенно сжимала руль, а потом наконец ответила:

– У Пита начали сдавать нервы. – Она обернулась, посмотрела в конец фургона, где под плащом свернулся клубочком спящий Пит. – Он путался в коде, перед выходом на сцену выпивал пару рюмочек... А для менталиста спиртное – главная помеха. В общем, нам и в бродячем цирке неплохо живется. И ущемлять себя ни в чем не приходится, денег хватает и на приличные гостиницы, и на все остальное. Гороскопы продавать нетрудно, мне они обходятся в двадцать пять долларов за тысячу штук. Ну а зимой мы отдыхаем. Пит зимой почти не пьет. У нас есть домик во Флориде, Питу там нравится. Ради удовольствия я гадаю на чайных листьях, а как-то раз даже открыла лавку хироманта в Майами. В Майами очень популярна хиромантия.

– Я люблю Майами, – негромко сказала Молли. – Мы с

папой ездили туда на скачки в Хайалиа и в Тропикал-парк. Шикарное место.

– Все места шикарные, когда в кошельке ветер не свищет, – вздохнула Зена. – Ну, кажется, приехали. Передние машины сворачивают. Кто как, а я в машине сегодня спать не буду. Сегодня Зена снимет номер с ванной, если в этом захолустье слышали о таких удобствах. Что думаешь, детка?

– Меня вполне устраивает, – сказала Молли. – От горячей ванны я не откажусь.

Стэн представил себе Молли в ванне. Молочно-белая кожа, стройные ноги под водой, темный треугольник лона, груди с розовыми сосками. Он бы посмотрел на нее, склонился над ванной, а Молли протянула бы к нему руки в мыльной пене, но нет, она была бы другой, и он был бы другим, мысленно запротестовал Стэн, потому что ему покамест не доводилось заниматься любовью всегда что-то мешало или девушка смущалась или он в ней разочаровывался или времени не было или место было неподходящим а вдобавок на это требовались деньги и автомобиль и всякая прочая ерунда а потом девушка требовала бы немедленной свадьбы да и ребенок появился бы сразу же...

– Приехали, ребятки, – сказала Зена.

Ливень сменился моросью. В свете фар грузчики срывали брезент с кузовов. Стэн накинул дождевик на плечи, обошел фургон, распахнул задние дверцы, залез внутрь и осторожно потянул Пита за лодыжку.

– Пит, просыпайся! Приехали. Ставим шатры.

– Ну я еще пять минуточек подремлю...

– Не дури, поднимайся. Зена велела помочь.

Пит резко сбросил плащ, сел и затрясся мелкой дрожью.

– Погоди минутку, я сейчас.

Он неуклюже выбрался из фургона и замер, высокий, сторбленный, дрожащий на ночном холоде. Пит вытащил из кармана бутылку, предложил Стэну, но тот помотал головой. Пит отхлебнул из бутылки раз, другой, заткнул ее пробкой, потом снова откупорил, опустошил долгими глотками и зашвырнул в темноту.

– Прикончил.

Установили прожекторы, и управляющий цирком колышками разметил центральный проход. Стэн вытащил из фургона доски, из которых собирали помост в балагане Зены, и вскинул их на плечо.

Начали устанавливать балаган «Десять в одном». Пока Стэн помогал натягивать распорочные канаты, над деревьями занялась водянистая заря, а в домах на окраине городка загорались огоньки в окошках спален и кухонь.

В предрассветном лавандовом сумраке возникли очертания цирковых шатров. Влажный воздух наполнился ароматами кофе из полевой кухни. Стэн остановился передохнуть; рубаха липла к потному телу, мышцы спины и рук приятно ныли. Надо же, а его отец хотел, чтобы сын занялся недвижимостью!

Стэн и Пит установили помост для провидицы, повесили занавес, приволокли в закуток под сценой карточный столик и табурет, сложили штабелями коробки гороскопов.

Вернулась Зена. В бледно-золотом свете утра морщины у глаз стали заметнее, но держалась она прямо, будто столб шатра.

– А мне достался свадебный номер люкс, – гордо сказала она. – Две спальни и ванная. Ну-ка, вы оба, марш отмываться!

Питу не мешало бы побриться; кожа туго обтягивала острые скулы изможденного лица.

– Я бы с удовольствием, любимая, но у меня в городе дела. Я к тебе попозже загляну.

– Адрес не забудь: Локуст-лейн, дом двадцать восемь. Деньги у тебя есть?

– Если выдашь мне пару долларов из казны, отказываться не стану.

– Ладно, дорогой. Но сначала выпей кофе. И обещай, что позавтракаешь.

Пит взял деньги и аккуратно спрятал в бумажник.

– Возьму стакан апельсинового сока со льдом, два яйца всмятку, гренки «Мельба» и кофе, – с неожиданной бодростью объявил он, но тут же снова скис; потом вытащил бумажник и заглянул в него. – Главное – не потерять деньги, – ни с того ни с сего добавил он до странности детским тоном и направился к дому на окраине городка.

Зена посмотрела вслед мужу.

– Спорим на что угодно, но в том доме – кабак, – сказала она Стэну. – Пит настоящий ясновидец, когда требуется отыскать сокровище из тех, что булькает. Но ты-то хоть пойдешь мыться? У тебя вся рубаха взмокла от пота.

На ходу Стэн вдыхал утро. Над дальними холмами висела туманная дымка, а с пологого пригорка через дорогу доносилось нежное позвякивание коровьих колокольцев. Стэн остановился и потянулся.

Зена тоже остановилась.

– Когда весь день торчишь в балагане, такого не увидишь. Нет, честное слово, Стэн, я как услышу, что где-то корова мычит, так и тоскую по дому.

Солнце, пробиваясь сквозь туман, сверкало в колеях, полных дождевой воды. Стэн взял Зену под руку, помог перейти через лужу. Мягкий холмик груди выпирал из-под гладкой клеенчатой ткани плаща. Прохладный ветер обдувал разгоряченное лицо Стэна.

– Знаешь, а с тобой очень хорошо, – сказала Зена.

Стэн остановился. Цирковые шатры скрылись за холмом. Зена чему-то улыбалась. Стэн неловко обхватил ее за талию и поцеловал. Это оказалось совсем не похоже на обжимания с одноклассницами. От прикосновения теплых, настойчивых губ Зены Стэн обмяк. У него закружилась голова. Наконец поцелуй прервался.

– Ух ты, – выдохнул Стэн.

Зена на миг задержала ладонь у его щеки, отвернулась, и они пошли дальше, держась за руки.

– А где Молли? – спросил Стэн.

– Ухо давит. Я уболтала старуху-хозяйку дать нам две комнаты по цене одного номера. Она собирала обед мужу, а я украдкой заглянула в семейную Библию и запомнила все дни рождения. Ну, как бы между прочим сказала хозяйке, что она по гороскопу Овен, родилась двадцать девятого марта, а потом такое ей напророчила, что она вся разохалась. В общем, номер у нас хоть куда. Я всегда говорю, что в нашем деле наблюдательность – главное подспорье. А Молли отмокла в ванне, разомлела, теперь пушками не разбудишь. Она хорошая девочка, пора бы ей уже и повзрослеть, а то как обдерет заусенец, так нюни распускает и с ревом папу зовет. Ничего, переживет да перетерпит. Вот погоди, увидишь, какие нам роскошные покои достались.

Номер напомнил Стэну родной дом, старый особняк на Линден-стрит, где вечно неприбранной родительской спальне стояла большая кровать с медной рамой, от маминей подушки пахло духами, а от отцовской – лосьоном для восстановления волос.

Зена сбросила плащ, соорудила плечики из газеты, свернутой плотной трубочкой и перевязанной ниткой посредине, и повесила плащ на крючок в шкафу. Она сняла туфли и растянулась на кровати, раскинув руки в стороны. Потом вытащила шпильки, и два аккуратно уложенных валика зо-

лотистых волос превратились в косички. Она их быстро расплела и разметала пряди по подушке.

– Пожалуй, я приму предложенную ванну, – сказал Стэн. – Только проверю, осталась ли горячая вода.

Он повесил пиджак и жилет на спинку стула и посмотрел на Зену. Она глядела на него из-под полуприкрытых век, закинув руку за голову. На губах играла призывная, повелительная улыбка.

Он подошел и сел на краешек кровати. Зена накрыла его ладонь своей. Он резко наклонился и поцеловал ее. Теперь их ничто не останавливало, и поцелуй затянулся. Рука Зены скользнула под рубашку Стэна, пальцы нежно коснулись гладкой теплой спины.

– погоди, милый. Не торопись. Поцелуй меня еще.

– А вдруг Молли проснется?

– Не проснется. Она молоденькая, ее не добудишься. Не волнуйся, милый. Нам спешить некуда.

Стэн часто представлял, как все будет происходить, но воображаемое меркло перед действительностью. Он едва дышал от восторга, а сердце зашло в опасливом восхищении.

– Раздевайся, милый, и аккуратно сложи все вещи на стул.

Как ни странно, Стэна это ничуть не смутило. Зена стянула чулки, расстегнула платье и медленно сняла его через голову. За платьем последовала нижняя сорочка.

Зена откинулась на подушки, заложила руку за голову и подозвала Стэна:

– А теперь, милый, расслабься.

– Мы припозднились.

– А как иначе? Тебе пора принять ванну, а потом возвращаться. Иначе все подумают, что Зена тебя соблазнила.

– И правильно подумают.

– Наверняка. – Она приподнялась на локтях, обрामив лицо золотистыми прядями, легонько поцеловала Стэна. – Давай пошевеливайся.

– Не могу. Ты меня придавила.

– Тогда попробуй высвободиться.

– Не могу. Тяжело.

– А ты ужом выползи...

Вдруг раздался стук в дверь – осторожный, робкий. Зена отвела волосы с глаз. Стэн вздрогнул. Она приложила палец к его губам, ловко соскочила с кровати, потянула Стэна за руку, вручила брюки, белье и носки и затолкала в ванную.

В ванной Стэн пригнулся, приложил ухо к замочной скважине. Сердце бешено колотилось от страха. Было слышно, как Зена достает из чемодана халат и неторопливо идет к входной двери. Из коридора послышался голос.

– Прости, что разбудил, солнышко. Я тут... – забормотал Пит. – Я тут кое-что купил. А на завтрак денег не осталось.

Щелкнул замочек сумки.

– Вот тебе доллар, милый. Негоже без завтрака.

– Обязательно позавтракаю, честное слово.

Зена босиком прошлепала к ванной комнате.

– Стэн, поторапливайся. Я спать хочу. Вылезай из ванны и натягивай штаны. – И непринужденно пояснила Питу: – Мальчик устал, бедняжка, всю ночь тяжести таскал под дождем. Наверное, заснул в ванне. Ты его не жди.

Входная дверь захлопнулась. Стэн выпрямился. Зена как ни в чем не бывало соврала Питу про Стэна и ванну. Женщины все такие, подумал Стэн. Если у них смелости хватает, то всегда так и делают. Он невольно поежился и открыл кран.

Когда ванна наполнилась до половины, Стэн лег в горячую воду и закрыл глаза. Ну вот, теперь ему все известно. Из-за этого совершают убийства на почве ревности. Ради этого люди женятся. Из-за этого мужья уходят из дома, а женщины обзаводятся дурной репутацией. Вот это и есть великий секрет. А теперь я все знаю. И не испытываю ни малейшего разочарования. Все в порядке.

Он поводит руками по воде, плеснул на грудь. Открыл глаза. Вытащил руку из парного тепла, посмотрел на нее и осторожно снял с тыльной стороны ладони жесткий золотистый волосок, завитой, как крошечная пружина. Зена была натуральной блондинкой.

Прошло несколько недель. Ярмарка диковин Аккермана – Цорбау переезжала из города в город, пейзажи сменяли друг друга, но море задранных голов на ярмарочной площа-

ди оставалось неизменным.

Для цирковых первый ярмарочный сезон всегда самый лучший и самый худший. У Стэна окрепли мускулы, пальцы стали ловчее, а голос звучал громче и уверенней. Теперь Стэн исполнял сложные трюки с монетками, на которые раньше не осмеливался.

Зена научила его многому, в том числе и некоторым фокусам.

– Главное – отвести лохам глаза, милый. И не надо никаких хитроумных ларцов, потайных люков и складных столиков. Поверь мне на слово, если кто умеет отводить людям глаза, то просто вынимает что-нибудь из кармана, кладет в шляпу, а потом вдруг раз – и достает этот предмет из шляпы, а все ахают, и никто не понимает, откуда что взялось.

– А ты когда-нибудь показывала фокусы? – спросил он.

Зена рассмеялась:

– Да ни за какие коврижки. Из девчонок фокусницы не получают. Знаешь почему? Девушка всю жизнь учится привлекать внимание к себе. А для фокусов это не годится. Фокуснику надо отвлекать внимание публики от себя, переключать его на что-нибудь другое. Для девушки это слишком сложно. Я вот не смогла бы. Я всегда занималась ментализмом. От ментализма публике никакого ущерба, одна радость. Все любят предсказания. Поэтому, чем черт не шутит, я народ веселю, внушаю им надежду, подкрепляю их веру и устремления. Как на воскресной проповеди в церкви. По-

моему, между гадалкой и проповедником большой разницы нет. Все надеются на хорошее и боятся плохого. Обычно случается плохое, но это не мешает нам надеяться. Хуже нет, чем потерять надежду.

Стэн кивнул.

– А Пит потерял надежду?

Зена помолчала, блеснула кукольными голубыми глазами.

– Иногда мне кажется, что да. Пит чего-то боится. Помоему, он давным-давно испугался сам себя. Он здорово гадал по хрустальному шару, будто на самом деле видел в нем будущее. И когда выступал перед публикой, то свято веровал, что так оно и есть. А потом вдруг сообразил, что никакого волшебства в этом нет и опереться ему не на что, кроме самого себя. Помощи ждать не от кого – ни от меня, ни от его приятелей, ни от госпожи Удачи. Вот он и испугался, что подведет сам себя.

– И подвел?

– Ага, еще как.

– А что с ним будет?

– Да ничего с ним не будет, – рассердилась Зена. – Глубоко в душе он хороший человек. Я его не брошу. Пит меня от борделя спас, выучил полезному делу, так что работа мне обеспечена до тех пор, пока на свете остаются те, кто тревожится о завтрашнем дне. В общем, худо-бедно, но куском хлеба я себя обеспечу. И Пита тоже.

В балагане напротив зазывала, Клем Хотли, установил по-

мост майора Москита и начал лекцию. Майор занес крошечную ногу и с превеликой точностью больно саданул Хотли в щиколотку. Зазывала запнулся. Лилипут оскалился, как разозлившийся котенок.

– А майор та еще сволочь, – сказал Стэн.

– Ну еще бы. Кому весело всю жизнь маяться в детском теле? Да еще когда лохи на тебя пялятся. Для нас с тобой все иначе. Мы на голову выше лохов. Мы лучше их, и они об этом знают. А майор – уродец. Такой уж уродился.

– А как же Мартин-мореход? Он ведь не уродился, а сделался.

Зена фыркнула:

– Вот уж кто не мужик с елдаком, а елдак с мужиком. Сначала разукрасил себе предплечья якорями и голыми тетками, чтобы девчонки ахали, мол, какой крутой парень. Потом вытатуировал на груди броненосец, и понеслось. Как скинет рубаху, так и превращается в книжку с картинками. В общем, сообразил, что можно зарабатывать на собственной шкуре. Он такой же мореход, как я – монашенка.

– Он подбивает клинья к твоей электрической подруге.

Зена сверкнула глазами:

– Пусть только попробует. Девочке нужен хороший человек. Ничего страшного, я все улажу. Если какой сопляк полезет к Молли, то получит хорошую взбучку.

– От тебя, что ли?

– И от меня, и от Бруно.

Эвансбург, Морристаун, Линклейтер, Кулей-Миллс, Очетони, Бейл-Сити, Беотия, Сандерс-Фоллс, Ньюбридж.

Передвижная ярмарка диковин Аккермана – Цорбау. При содействии ордена Сионских кедров превозносящихся, благотворительного фонда Колдуэлла, общества Дочерей первопоселенцев округа Клэй, добровольной пожарной дружины Каллаки, благочинного ордена Бизонов.

В зной пыльно. В дождь слякотно. Ярмарочный караван катил по дорогам, чертыхаясь и кряхтя, потея и пыхтя, плутуя и проклиная, подтасовывая и подкупая. Он являлся ночью в столпе огненном, тормошил сонные городки, приносил новые развлечения – свет, шум, возможность выиграть индейское одеяло, прокатиться на колесе обозрения, своими глазами увидеть живого дикаря, который баюкает гадюк, будто малых детей. А потом караван исчезал в ночи, оставив после себя лишь вытоптанный луг, усеянный смятыми картонками от попкорна и жестяными ложечками от мороженого.

К собственному удивлению, Стэн изнывал от неудовлетворенного желания. Да, он переспал с Зеной, но другого случая ему пока не представлялось. Даже Зена, умудренная жизнью и хорошо знающая все ее лазейки, не могла отыскать в замкнутом ярмарочном мирке возможность совершить то, чего отчаянно хотела сама, судя по тому, как часто и откровенно она каждый день глядела на Стэна.

От Пита было никуда не деться. Он постоянно ошивался рядом, унылый и расстроенный, с трясущимися руками, бледное подобие самого себя. От него вечно несло бормотухой.

Зена отказывалась от встреч со Стэном ради того, чтобы пришить пуговицу на рубаху Пита. Стэн не мог понять почему. Чем больше он об этом размышлял, тем горше становилось у него на душе. Он убеждал себя, что Зена использует его лишь для собственного развлечения. Потом он решил, что, наверное, она воображает на его месте Пита, такого, каким он был в прошлом – чернобородым франтом с гвардейской выправкой.

Такие мысли часто настигали его посреди выступления, он запинался, заученные шутки сменялись раздраженным ерничаньем.

Однажды после выступления к Стэну подошел Клем Хотли.

– Слушай, малец, не выгуливай своих тараканов на публике. Держи их под замком. А не то собирай манатки и проваливай. Фокусники у нас пять центов за пучок.

С апломбом заправского циркача Стэн вытащил пятидесятицентовую монетку из-под лацкана Хотли, ловко перехватил ее, показал пустую ладонь и отошел. Его вывела из себя отповедь старшего. Никому из сверстников не удавалось его задеть. А вот те, что постарше, особенно если у них на скулах трупной плесенью серебрилась щетина... Тьфу, сво-

лочь.

Ночью, на койке в ярмарочном шатре, Стэн представлял себе, как поджаривает Хотли на медленном огне, будто инквизитор.

На следующий день, перед самым открытием, Хотли подошел к помосту, где Стэн распаковывал коробку рекламных буклетов.

– Ты этот свой фокус с пятидесятицентовиком лохам покажи. Им понравится.

Стэн ухмыльнулся и ответил:

– Еще бы.

Когда в балагане собрались первые зрители, Стэн выложился на все сто. Продажи книжонок с фокусами увеличились вдвое. Весь день Стэн чувствовал себя на седьмом небе. А потом наступила ночь.

По ночам его мучили воспоминания о Зене. Он лежал под одеялом, но не мог сомкнуть воспаленных глаз, снова и снова мысленно овладевая ее телом.

Однажды, после дневного представления, он прошел за кулисы миниатюрной сцены. Зена, скинув белоснежное шелковое одеяние, закалывала волосы в пучок. Округлые плечи призывно белели под лямками нижней сорочки. Стэн порывисто притянул Зену к себе и поцеловал. Она его оттолкнула.

– Марш отсюда. Мне нужно переодеться.

– Как скажешь. Значит, между нами все кончено? – спросил он.

Ее лицо смягчилось, она ласково погладила Стэна по щеке.

– Охолони, милый. Мы все-таки не женаты. Надо быть осмотрительнее. Муж у меня один – Пит. А ты мальчик хороший и мне очень нравишься. Даже слишком нравишься. Но лучше держать себя в руках. Так что веди себя прилично. А в один прекрасный день – или в одну прекрасную ночь – мы с тобой повеселимся. Обещаю. Я все устрою и дам тебе знать.

– Я тебе не верю.

Прохладные руки обвили его шею, а теплые сладкие губы скрепили обещание жарким поцелуем. У Стэна заколотилось сердце.

– Сегодня?

– Посмотрим.

– Ну давай сегодня, а?

Она помотала головой.

– Сегодня мне надо заставить Пита заняться корреспонденцией. Накопилось много писем, которые требуют ответа, а если Пит напьется, то не сможет написать ничего вразумительного. Мы, цирковые, друзей не забываем. Ну да ты сам поймешь, когда вдруг понадобится у кого-нибудь денег занять. Так что только завтра. Может быть.

Стэн отвернулся, протестующе и возмущенно, будто его погладили против шерсти. Он возненавидел и Зену, и ее Пита.

Отправившись ужинать на кухню, он встретил по дороге Пита. Трезвого. Пит трясся мелкой дрожью и ругал Зену последними словами. Чтобы заставить его сесть за письма, она спрятала бутылку. Пит отчаянно таращил глаза.

– У тебя лишнего доллара не найдется, приятель? – прошептал он.

Зена подошла к ним.

– Ступайте-ка вы ужинать, ребятки, – сказала она, подталкивая обоих к кухне. – А я пойду в город, может, найду магазинчик, который работает допоздна. Нам, девушкам, нужно заботиться о красоте. Я мигом, милый, – сказала она Питу, застегнув пуговицу на его рубашке. – Нам еще письма писать.

Стэн ел быстро, а Пит поковырял еду на тарелке, утер рот тыльной стороной руки и старательно промокнул ее салфеткой. Потом смял салфетку в комок и, чертыхнувшись, запустил его в повара.

– Так у тебя доллара не найдется, приятель?

– Нет. Пойдем назад, в балаган. Зена оставила под сценой свежий номер «Биллборда», считаешь.

Возвращались они в молчании.

Стэн застелил раскладушку и смотрел, как цирковые готовятся ко сну. Под сценой, сквозь щели в дощатой перегородке, мерцал одинокий огонек. Пит сидел за столом, хмуро перечитывая одну и ту же строчку на журнальной странице.

Стэн сокрушался, что Зена не позвала его с собой. Можно

было бы развлечься по дороге, и она забыла бы и о Пите, и о проклятых письмах.

Бутылку Зена спрятала под сиденье кресла майора Москита. Стэн тихонько прокрался в дальний угол балагана, где на помосте стояла крошечная раскладушка майора. Лилипут дышал часто, с тонким присвистом. Стэн нащупал бутылку, вытащил ее из-под сиденья.

Выпивки оставалось всего на три или четыре пальца. Стэн осторожно вскарабкался на сцену, а немного погодя спустился вниз по лесенке и заглянул в каморку. Бутылка теперь была полна наполовину.

– Пит, вот, промочи горло.

– Слава богу! – Пит выхватил бутылку, откупорил, машинальным жестом предложил Стэну, но тут же поднес ее ко рту, проглотил содержимое, дергая кадыком, и вернул опустевшую посудину. – Господи. Ну, как говорят, друзья познаются в беде, и все такое. Боюсь, тебе тут почти не осталось.

– А я и не хочу.

Пит помотал головой и встряхнулся.

– Хороший ты парень, Стэн. И на сцене держишься отлично. Не слушай ничьих нареканий. Ты далеко пойдешь, если не станешь тушеваться. Тебе светит высшая лига. Видел бы ты, как мы в свое время выступали! Специально на нас приходили посмотреть, дожидались нашего номера. Имена на афишах писали огромными буквами, повсюду, куда бы мы ни приехали. Эх, здорово было! А ты... Знаешь, малец,

самые знаменитые артисты начинали с того же, что и ты сейчас. Тебе очень повезло. Внешность у тебя подходящая, ты парень хоть куда, честное слово. И язык у тебя подвешен. И ловкость рук имеется. Так что все, как полагается. В один прекрасный день станешь знаменитым иллюзионистом. Только не позволяй цирковым... – Глаза у него остекленели. Он умолк и напряженно выпрямился на стуле.

– Слушай, выключай-ка свет и отдохни, а там и Зена вернется, – предложил Стэн.

В ответ послышалось кряхтение. Пит встал и расправил плечи.

– Эх, малец, видел бы ты нас в варьете Кита!

О господи, этот болван никогда не вырубится, подумал Стэн. Дощатые стенки клетушки под сценой и брезент балагана приглушили рычание заведенного мотора; невидимый водитель жал стартер, и рокот раскатывался по ночи. Движок заработал, лязгнул рычаг передачи.

– Знаешь, малец... – Пит вытянулся в струнку, почти коснувшись головой потолочных планок, будто выпивка распрямила ему позвоночник, и повелительно дернул подбородком: – Стэн, в тебе есть все задатки великого менталиста. Изучай человеческую натуру! – Он надолго приложился к бутылке, опустошил ее, чуть покачнулся, широко раскрыл глаза и сглотнул. – Вот, торжественно вступает оркестр, луч прожектора сияет янтарным светом, и я выхожу. Немного болтологии, чуть-чуть веселья, напускаю тумана загадочно-

сти и сразу же перехожу к предсказаниям. Вот он, мой хрустальный шар... – Он устоялся на пустую бутылку из-под виски.

Стэну было неловко смотреть на него. Пит словно бы ожил. В глазах вспыхнул огонь. Голос изменился, обрел неожиданную мощь. Пит медленно провел левой рукой над бутылкой.

– С незапамятных времен, – начал он, и звук гулко разлетелся по крошечной камерке, – люди пытаются приподнять завесу, которая скрывает от нас грядущее. Среди них иногда встречаются те, кто способен взглянуть в глубины кристалла и узреть будущее. Что это? Специфическое свойство кристалла? Или кристалл помогает провидцу обратить взор в себя? Ответ нам неизвестен. Но видения приходят, медленно и постепенно обретают форму, колышутся в туманной дымке...

Стэн внезапно осознал, что смотрит на бутылку с застывшей на дне каплей и не может отвести глаз от стекла. Напряженная сосредоточенность Пита оказалась заразительна.

– Но погодите! Туманные очертания проясняются. Я вижу луга и холмы... И мальчика... босоногого мальчика, бегущего по лугам. И его верного пса.

– Цыганок... – не удержавшись, прошептал Стэн.

Пит буравил взглядом бутылку:

– Счастье... но недолгое. Надвигается мгла... горе. Какие-то люди... А среди них – один. Злой. Мальчик его нена-

видит. Смерть... он жаждет смерти...

Стэн стремительно рванулся к бутылке. Она выскользнула из руки Пита, упала на землю. Стэн, прерывисто дыша, пинком отправил ее в угол.

Пит с минуту стоял, разглядывая пустую руку, потом опустил ее. Сгорбился. Обессиленно сел на складной стул, оперся локтями о карточный столик. Поднял голову, посмотрел на Стэна – глаза осоловелые, рот перекошен.

– Да это все пустое, малец. Ты чего вызверился? Я просто дурака валял. Такое предсказание любому подойдет, только надо с умом его подать. – Язык у Пита заплетался, голова поникла. – У каждого в жизни бывают неприятности. И каждому хочется кого-нибудь убить. Для мальчишек это обычно отец. В детстве ведь как? То сплошное счастье, то горе горькое. И у каждого мальчишки есть собака. Или соседский пес... – Пит уронил голову на руки. – А я – старый пьяница. Выпивоха. Боже мой, Зена рассердится... Сынок, ты ей не говори, что меня угостил. А то она и на тебя рассердится. – Он тихонько всхлипнул.

Стэна замутило от отвращения. Он резко отвернулся и молча вышел из душной каморки в относительную прохладу балагана «Десять в одном».

Поздней ночью вернулась Зена, заговорила со Стэном шепотом, чтобы не потревожить сон цирковых, которые храпели на койках.

– Где Пит?

– Вырубился.

– А откуда он взял спиртное?

– Не знаю... Он у гика ошивался.

– Черт возьми, Стэн, я же тебя просила за ним присмотреть! Ладно, я сегодня тоже вымоталась. Пусть проспится, а завтра посмотрим.

– Зена...

– Что, милый?

– Можно тебя проводить до дома?

– Нет, тут близко. Да и ты губу зря не раскатывай, дружок. У моей квартирной хозяйки морда как у кусачей черепахи. В этом городишке нам лишних неприятностей не нужно. Мы еле убедили местные власти, что не устраиваем азартных игр. Они тут все пуритане.

Зена и Стэн вышли из балагана на сумрачную площадь. На передвижной кухне все еще горел свет.

– Я тебя все-таки провожу, – сказал Стэн.

У него было тяжело на душе, и он силился перебороть гнетущее чувство. Он легонько сжал пальцы Зены, и она не отняла руку.

На краю площади они поцеловались под сенью деревьев. Зена прильнула к Стэну.

– Ах, милый, я так по тебе соскучилась. Очень хочется ласки. Но ко мне нельзя. Старая карга глядит в оба.

Стэн взял ее за руку и повел по дороге. Луна зашла. Они миновали поле на склоне холма, а потом дорога нырнула в

лощину среди лугов.

– Пойдем туда, – шепнул Стэн.

Они взобрались по глинистому откосу и расстелили плащи на траве.

В балаган Стэн вернулся на рассвете, осторожно улегся на койку и мгновенно уснул. Вдруг над его ухом послышалось настойчивое треньканье. Стэна дергали за плечо. Надрывный высокий стон скрипичной струны прорезался сквозь усталость и нервную опустошенность.

– Малец, проснись! Да проснись же, увалень!

Писк стал громче и пронзительнее.

Стэн застонал, открыл глаза. В балаган струился теплый золотистый свет утреннего солнца. Докучливой мухой у плеча оказался майор Москит. Тщательно прилизанные светлые волосы облепляли выпуклый младенческий лоб.

– Стэн, вставай! Пит умер!

– Что? – Стэн вскочил с койки, нащупал ногой туфли. – Как умер?

– А вот так. Упился до смерти. Нашел бутылку денатурата, Зена им spryskivaet конверты с вопросами, прежде чем поджечь. Ну и выпил почти все. Лежит теперь мертвяк мертвяком. Рот раззявил, что твоя Мамонтова пещера. Пойдем, посмотришь. Я его попинал для порядку, только он не двигается. Ты бы проверил, а?

Стэн молча шнуровал туфли – медленно, аккуратно, со-

средоточенно. Отгонял непрощенные мысли, но они снова и снова возвращались. Его вдруг как громом поразило: «Меня повесят. Повесят. Повесят. А я ведь не нарочно. Я просто хотел напоить его допьяна. Я же не знал, что это денатурат... Меня повесят. Я не нарочно. Меня...»

Он соскочил с помоста и протиснулся сквозь толпу цирковых у сцены провидицы. Зена вышла к ним, высокая, стройная, с сухими глазами.

– Он умер. Хороший был человек. Я его предупреждала, что выпивка – зло. И вчера специально бутылку от него спрятала... – Она осеклась и торопливо скрылась за кулисами.

Стэн выбрался из балагана на улицу, к яркому утреннему свету, и побрел на край площади, к дороге, вдоль которой тянулись к горизонту столбы, увешанные петлями телефонных проводов.

Он задел ногой что-то блестящее. В золе и углях на месте давнего костра валялась перегоревшая электрическая лампочка, радужная, закопченная изнутри, темная, будто хрустальный шар на черном бархате. Стэн подобрал ее, сжал в руке, ища взглядом подходящий валун или ограду. Грудь сдавило, он не мог вдохнуть. С замызганного избирательного плаката на одном из столбов мрачно глядел кандидат с изможденным лицом. На лоб косо падала седая челка, а складки у губ говорили об алчной пронырливости, которую фотограф безуспешно пытался скрыть.

«МАККИНСЕНА В ШЕРИФЫ! ЧЕСТНЫЙ – НЕПОД-

КУПНЫЙ – ОТВАЖНЫЙ».

Стэн размахнулся и запустил в столб лампочку.

– Сукин сын!

Медленно, как если бы Стэн усилием воли пытался задержать бег времени, лампочка ударила в портрет и разбилась. Мелкие осколки разлетелись вокруг сверкающими брызгами.

Тягостное чувство наконец-то отпустило. Он вздохнул полной грудью. Давящий страх отступил. Стэн точно знал, что больше никогда в жизни не испытает такого отчаянного страха. Никогда и ни за что. Хуже не будет. Разум просветлел, как ясное утро, и Стэн погрузился в размышления.

Карта IV Мир

Дева танцует, окруженная гирляндами; на нее взирают звери Апокалипсиса.

С утра мозг Стэна работал на полном ходу, измышляя ответы на все возможные вопросы. Где ты был, пока Пит ошибался у гика? В балагане, ставил раскладушку. А потом что ты делал? Репетировал новый карточный фокус. Какой? Скрытый перенос карты из руки в руку. А когда Пит вернулся, то что он сделал? Кажется, ушел в каморку под сценой. Ты за ним присматривал? Просто следил, чтобы он никуда не выходил. А где ты был, когда вернулась Зена? Я ждал ее у входа...

Толпа постепенно редела. Звезды затянула облачная дымка, за деревьями сверкнула молния. В одиннадцать часов вечера Хотли объявил, что представление закончено. Публика разошлась, а цирковые курили и переодевались. Наконец все с хмурыми лицами окружили Хотли. Майор Москит, не обращая внимания на всеобщее мрачное настроение, весело насвистывал, пока на него не шикнули.

Потом все вышли из балагана и расселись по машинам. Стэн ехал с Хотли, майором, Бруно и Мартином-мореходом. Процессия направилась к центру города, в похоронное бюро.

– Повезло, что хороним сегодня, когда публики мало, – заявил Мартин-мореход.

Ему никто не ответил.

Внезапно майор Москист пискнул:

– Смерть! где твое жало? ад! где твоя победа? – Он сплюнул. – И какого черта об этом вечно триндеть? Зарыли бы в землю, и пусть себе гниет.

– Заткнись! – глухо сказал Бруно. – Мелюзга, а треплешься за десятерых.

– Поди подрочи, – огрызнулся майор.

– Зену жалко, – сказал Бруно остальным. – Славная женщина.

Клем Хотли, небрежно держа руль одной рукой, заметил:

– По этому выпивохе плакать никто не станет. Даже Зена. Однако тут есть над чем задуматься. Я хорошо помню, как он в свое время блистал. А сам я вот уже год капли в рот не беру, зарекся. Всякого навидался.

– А кто теперь с Зеной будет выступать? – немного погодя спросил Стэн. – Или она что-то поменяет? Типа чтобы лохи ей сразу конверты с вопросами вручали, а она...

Свободной рукой Хотли почесал в затылке:

– Нет, так не пойдет. Ничего менять не станем. Ты посидишь под сценой, а я буду собирать конверты. А сразу после твоего выступления покажем электрическую девушку, чтобы дать тебе время пробраться на место и все подготовить.

– Договорились.

«Он сам это предложил, – повторял про себя Стэн. – Я тут ни при чем. Майор и Бруно своими ушами слышали. Он сам предложил».

Улица была пуста. На тротуаре перед похоронным бюро лежал золотистый треугольник света. К обочине одна за другой подъезжали машины, останавливались. Из одной вышел старый Магвайр, билетер и зазывала, потом Молли, а за ними на руках выскочил Джо Пласки и уверенно, как лягушка, запрыгал через дорогу.

В дверях их встретила Зена. На ней было новое черное платье, расшитое крупными черными цветами из гагатого бисера.

– Входите, входите. Я все устроила. Позвонила священнику, он сейчас придет. По-моему, священник не помешает, хотя Пит в церковь и не ходил.

Все вошли. Джо Пласки порылся в кармане, протянул Зене конверт:

– Тут ребята собрали на памятник. Ну, мы знаем, что ты в деньгах не нуждаешься, но все равно хотели сделать что-то. Утром я отправил письмо в «Биллборд», попросил опубликовать извещение. Ничего особенного, просто «Друзья и коллеги скорбят об утрате».

Зена наклонилась и поцеловала его:

– Я очень растрогана вашей заботой. Что ж, пора в часовню. Священник только что подошел.

Все расселись на складных стульях. Священник, робкий заспанный старикан, отчего-то держался смущенно. «Ага, наверное, решил, что цирковые – сплошь нехристи, – подумал Стэн. – Будто все явились без штанов, а он из вежливо-

сти делает вид, что ничего не замечает».

Священник надел очки:

– ...ибо мы ничего не принесли в мир; явно, что ничего не можем и вынести... Господь дал, Господь и взял...

Сидя рядом с Зеной, Стэн пытался вслушиваться в слова и предугадать, что священник скажет дальше. Лишь бы не думать. Я не виноват, что он умер. Я не собирался его убивать. Я его убил. Ну вот, опять началось. Я весь день ничего не чувствовал, решил, что обо всем забыл.

– ...скажи мне, Господи, кончину мою и число дней моих, какое оно, дабы я знал, какой век мой...

Пит не знал кончину свою. Пит умер счастливым. Я ему помог. Он долгие годы умирал медленной смертью. Он боялся жить, довольствовался малым, а я взял и убил его. Нет, я не убивал. Он сам себя убил. Рано или поздно он добрался бы до денатурата. Я просто ему чуть-чуть помог. О господи, неужели придется всю жизнь об этом думать?

Стэн медленно повернул голову и поглядел на остальных. Майор Москист пристроился между Молли и Бруно. На заднем ряду Клем Хотли закрыл глаза. Лицо Джо Пласки озаряла тень улыбки, в которую привычно складывались его губы. «Наверное, вот так же улыбался Лазарь после воскрешения», – подумал Стэн. Мартин-мореход щурил глаз.

При виде Мартина Стэн пришел в себя. Он сотни раз делал то же самое, сидя на жесткой церковной скамье рядом с отцом и глядя на хоры, где стояла мать вместе с остальными

женщинами в белых одеяниях. В глазу есть слепое пятно, и если закрыть один глаз, а второй устремить чуть вбок от головы проповедника, то в какой-то миг кажется, что голова исчезает, а безглавое тело продолжает читать проповедь.

Стэн покосился на Зену. Она сидела в глубокой задумчивости. Священник торопливо возгласил:

– Человек, рожденный женою, краткодневен и пресыщен печалью: как цветок, он выходит и опадает; убегает как тень, и не останавливается. Посреди жизни нас настигает смерть...

Майор Москиг громко вздохнул и заерзал на месте. Стул закрипел.

– Ш-ш-ш! – прошипел Бруно.

Когда все забормотали «Отче наш», Стэн с облегчением обнаружил, что голос его не подводит. Зена его слышит. А раз слышит, то не заподозрит его в... Стэн понизил голос, произнося слова машинально, по памяти. Ни в коем случае не следует давать ей повод для подозрений... Хотя она недоверчиво поглядела на него, когда он сказал, что Пит ошивался у гика. Нет, нельзя, чтобы она... Так, главное – не переиграть. Черт побери, вот где требуется способность отвлекать внимание!

– ...Ибо Твое есть царство и сила и слава вовеки...

– Аминь!

Гробовщик был молчалив и деловит. Он снял крышку гроба и бесшумно прислонил ее к стене. Зена поднесла к

лицу носовой платок и отвернулась. Все выстроились в очередь, попрощаться с покойником.

Первым к гробу подошел Клем Хотли. На его морщинистом лице не отразилось ничего. Бруно взял майора Моски-та на руки, чтобы ему было лучше видно. Старый Магвайр мял в руках кепку. Джо Пласки, прыгая на руках по полу, толкал перед собой складной стул, потом придвинул его к изголовью гроба и вскочил на сиденье. Поглядел на покойника. Скорбно сложил губы, хотя у глаз все еще лучились смешливые морщинки. Машинально перекрестился.

Стэн натужно сглотнул. Подошла его очередь, теперь уж не отвертись. Джо соскочил на пол, придвинул стул к стене. Стэн сунул руки в карманы, подошел к гробу. Он в жизни не видел трупов; при мысли об этом волоски на затылке шевелились.

Он глубоко вздохнул и заставил себя посмотреть на мерт-вца.

На первый взгляд казалось, что в гробу – восковая фигу-ра во фраке. Одна рука приложена к груди в белом жилете, другая вытянута вдоль тела, сжимает в ладони хрустальный шар. Лицо румяное – гробовщик тампонирует впалые ще-ки, загримировал кожу, так что ее восковой блеск создавал иллюзию жизни. Внезапно Стэн ахнул, будто его ударили под дых: лицо покойника украшала бутафорская борода – ак-куратно подстриженная, черная как смоль.

– И напоследок мамзель Электра продемонстрирует свой коронный номер. Никто на свете не отважился его исполнять с тех самых пор, как Бенджамин Франклин обуздал молнию бечевкой своего воздушного змея. Итак, мамзель Электра, держась за электроды угольной дуговой лампы, позволит смертоносному разряду пройти сквозь свое тело...

Стэн украдкой скользнул под сцену провидицы, всеведущей Зены. В закутке больше не пахло виски. Стэн застлал пол брезентом и проделал в дощатых стенках две широкие щели, чтобы каморка лучше проветривалась. У карточного столика он установил картонную ширму с навесом и без помех при свете фонарика вскрывал конверты и крупно переписывал вопросы на страницы блокнота.

Послышался шорох шагов – зрители собирались у сцены. Зена начала вступительное слово. Стэн взял стопку конвертов с вложенными в них чистыми листами и встал у окошка, дожидаясь, когда за кулисами появится Хотли.

Занавес колыхнулся. Хотли протянул в окошко руку с конвертами зрителей. Стэн быстро забрал конверты, передал подложную стопку, и рука исчезла. Над головой Стэна скрипнули доски сцены. Он сел за стол, включил затененный фонарик, подровнял стопку конвертов, одним движением ножниц срезал края сразу всем, вытряхнул листки с вопросами и разложил их перед собой.

Вопрос: «Где мой сын?» Старомодный почерк. Женщина, лет под семьдесят, решил Стэн. Отличный вопрос для нача-

ла. Подпись разборчивая, полное имя. Миссис Анна Бригс Шарпли. Стэн отыскал среди записок еще два полных имени. Одним был подписан совершенно дурацкий вопрос, и Стэн его сразу забраковал. Черным карандашом он четко вывел на странице блокнота: «ГДЕ СЫН?», добавил полное имя женщины и поднес блокнот к люку у ног Зены.

– Вижу... вижу... инициал Ш... Миссис Шарпли?

Стэн слушал ответы Зены, будто внимал откровению свыше.

– Вам все еще кажется, будто ваш сын – малый ребенок, сорванец и проказник, который выпрашивает у вас хлебушка с сахарочком...

Откуда Зена все это знает? Прямо как настоящая провидица! Как такое возможно? Вот Молли, например, на самом деле не управляет электричеством. Ее номер программы, как и все остальные в балагане, – сплошной обман и надувательство. Но Зена...

– Послушайте, уважаемая, не забывайте, ваш сын давно вырос, у него наверняка уже свои дети. Вы ждете от него весточки, а он не пишет?

Просто удивительно, как Зена разбирается в людях... Стэн похолодел от страха. Надо же, ему приходится скрывать свой жуткий секрет от той, кто словно бы умеет читать мысли. Ему стало смешно, несмотря на тревогу. Да, он боялся, что Зена обо всем догадается и объявит его убийцей, но вопреки всем страхам его все равно тянуло к ней. Он жаж-

дал постичь неведомую науку, которая позволяет с первого взгляда определить, о чем думает человек. Может быть, есть люди, рожденные с подобным даром?

– Кларисса? Среди вас есть Кларисса? Подними руку, пожалуйста. А, вот ты где! Кларисса хочет знать, выходить ли замуж за ее нынешнего ухажера. Прошу прощения, Кларисса, но мне придется тебя разочаровать. Лгать я не умею. Да ты и не хочешь услышать от меня ложь. По-моему, этот парень – неподходящий кандидат в мужья. Хотя, конечно, все может быть, и я не сомневаюсь, что он силен и хорош собой. Но что-то подсказывает мне: когда появится твой истинный суженый, ты ни у кого не будешь спрашивать, выходить за него замуж или нет, а сразу же повернешь дело к свадьбе.

Подобный вопрос Зене задавали не раз, и она всегда отвечала на него одинаково. Внезапно Стэн сообразил, что никакой это не дар. Зена хорошо разбиралась в людях. А люди все похожи друг на друга. То, что скажешь одному, подойдет девяти из десяти. А каждый пятый вообще верит всему, что ему плетут, и согласно кивает, когда его спрашивают, верно ли сказанное, потому что некоторые лохи просто неспособны возразить. Боже мой, Зена зарабатывает гроши. Но если это дело поставить правильно, то деньги можно грести лопатой.

Стэн взглянул на очередную записку и вывел на странице блокнота: «Совет о важном шаге в семейной жизни. Эм-

ма». Если Зена сможет дать вразумительный ответ на этот вопрос, то она действительно умеет читать мысли. Стэн поднес блокнот к люку и прислушался.

С минуту Зена продолжала говорить на публику, собираясь с мыслями, а потом легонько пристукнула каблуком и повысила голос. Стэн положил блокнот на стол, зная, что это будет последний ответ и теперь можно расслабиться. А Зена завершит выступление, предложив зрителям приобрести у нее гороскопы.

– У меня осталось время еще на один вопрос. На этот раз я не стану просить его автора назвать себя. Здесь присутствует женщина, чье имя начинается с буквы Э. Фамилию я называть не буду, потому что вопрос очень личный. Однако же я попрошу вас, Эмма, думать о том, что вы хотели бы мне мысленно сказать.

Стэн выключил фонарик, осторожно выбрался из каморки, на цыпочках прошел по лесенке за кулисы, чуть приоткрыл занавес и приложил глаз к щелке. Лица зрителей светлыми пятнами белели у сцены. Как только прозвучало имя Эммы, бледная, изможденная женщина – на вид лет сорока, хотя ей, скорее всего, было чуть за тридцать, – широко распахнула глаза и приоткрыла рот, но тут же решительно сомкнула губы.

Зена понизила голос:

– Эмма, у вас серьезная беда. И связана она с кем-то из ваших близких. С тем, кого вы считали одним из самых до-

рогих вам людей, верно?

Женщина невольно кивнула.

– Вы подумываете о том, чтобы уйти от этого человека. По-моему, это ваш муж.

Женщина закусила губу. В глазах блеснули слезы. «Похоже, она из тех, кого легко разжалобить, – подумал Стэн. – Эх, вот был бы у нее миллион долларов, а не дрянной четвертак...»

– Я ощущаю воздействие двух потоков тонких флюидов. Один исходит от какой-то женщины...

Напряженное лицо Эммы расслабилось, обрело разочарованное выражение. Зена тут же сменила подход.

– ...но слабо и расплывчато, возможно, она осталась в прошлом, а вот второй поток... Карты... на стол падают игральные карты... нет, ваш муж – не картежник, это место, где... Вот, теперь все прояснилось. Это подсобка в баре...

Женщина всхлипнула, и все вокруг с любопытством завертели головами. Эмма, не обращая ни на кого внимания, не сводила взгляд с провидицы.

– Моя дорогая, вам выпала тяжелая доля. Уж я-то знаю. Поверьте, мне все это прекрасно известно. Но шаг, который вы намерены предпринять, представляется очень непростой проблемой. Многогранной. Если бы муж разлюбил вас и связался с какой-то другой женщиной – это одно. Вот только у меня создается впечатление, что он вас любит, несмотря ни на что. Да, иногда он ведет себя грубо и жестоко, но за-

дайтесь вопросом, нет ли в этом и вашей вины. Главное – никогда не забывайте, что люди пьют с горя. Выпивка сама по себе никому не приносит зла. Если человек счастлив и всем доволен, то вполне может выпить с друзьями в субботу вечером и вернуться домой с получкой в кармане. Но если человек почему-то несчастен, то он пьет, чтобы забыться, а одного стакана мало, поэтому он выпивает второй, а там и третий, раз за разом спускает все деньги, возвращается домой пьяным, а как протрезвеет, жена начинает его пилить, и ему становится еще горше, и от этого он первым делом тянется к выпивке, и все – круг замкнулся.

Зена забыла о публике, забыла о том, что она на сцене. Сейчас Зена говорила о себе. Зрители это понимали и, затаив дыхание, слушали каждое слово.

– Так что прежде чем решиться на этот шаг, – сказала она, внезапно опомнившись, – подумайте, все ли вы сделали для счастья вашего мужа. Может быть, вы не знаете, что его тревожит. Может быть, он сам этого не знает. В любом случае постарайтесь это разузнать. Потому что если вы его бросите, то вам придется самостоятельно заботиться о себе и о детях, а это не так-то легко. Так что сегодня же вечером и попробуйте. Если он явится домой пьяный, уложите его спать. Говорите с ним приветливо. Пьяный – он как малый ребенок. Вот и обращайтесь с ним как с сыном, не ругайте и не корите почем зря. А наутро заверьте его, что все понимаете, окружите его материнской заботой и лаской. Потому что ес-

ли муж вас любит... – Зена перевела дух и торопливо продолжила: – Потому что если муж вас любит, то не имеет значения, приносит он деньги в дом или нет. Не имеет значения, пьян он или трезв. Если у вас по-настоящему любящий муж, то держитесь за него покрепче и не отпускайте ни в горе, ни в радости. – Она осеклась; зрители зачарованно молчали. – Держитесь за него, потому что если вы с ним расстанетесь, то пожалеете об этом горше горького... А теперь, дамы и господа, если вы действительно желаете знать, как звезды влияют на вашу жизнь, вам не придется потратить ни пяти долларов, ни даже доллара. Я заранее произвела астрологические расчеты, и тот, кто захочет сообщить мне дату своего рождения, получит предсказание будущего, а также полное определение характера, консультацию о роде занятий, набор счастливых чисел...

В дальние путешествия передвижная ярмарка диковин Аккермана – Цорбау отправлялась по железной дороге. Фургоны грузили на открытые платформы, а цирковые рассаживались по старым вагонам, и поезд грохотал сквозь ночь, пролетая мимо одиноких полустанков и депо, мимо товарных станций с составами порожняка, по мостам и эстакадам над долами и полями, где под сенью звезд вились сияющие реки.

Под потолком багажного вагона, набитого грудями брезента и тюками с оборудованием, горела лампа. На расчи-

ценном пяточке пола стоял большой фанерный ящик с просверленными в стенках вентиляционными отверстиями. Из ящика то и дело доносились шорохи. На тюках в углу жался гик, подтянув колени к подбородку.

Ящик со змеями окутывало серое облако табачного дыма.

– Остаюсь! – заявил майор Москит с упорством сверчка.

Мартин-мореход, скривив левую щеку от сигаретного дыма, сдал карты.

– Принимаю, – сказал Стэн. Его темной картой был валет.

Самой крупной картой была десятка в руках у Мартина.

– И я тоже, – сказал Джо Пласки с неизменной улыбкой Лазаря.

За спиной Джо горбился Бруно в пальто, обтянувшем широкие плечи. Он напряженно, разинув рот, вглядывался в карты Джо.

– И я, – заключил Мартин и сдал карты.

Стэну достался еще один валет.

– Тебе это дорого обойдется, – небрежно сказал он Мартину, скидывая пустышки.

Мартин сдал себе еще одну десятку.

– Переживу.

Майор Москит, чья младенческая голова была вровень с верхушкой ящика, еще раз глянул на темную карту.

– Ох ты черт!

– Что ж, дальше без меня, – миролюбиво сказал Джо.

– *Ja*, пусть поборются, – добавил Бруно. – А мы отдохнем.

Мартин сдал карты. Выпали две мелкие. Стэн сбросил пу-
стышки. Мартин поддержал заявленную ставку и поднял на
два.

– Вскрываемся.

Мартин-мореход перевернул свою темную карту. Десятка.
Он потянулся к банку.

Стэн с улыбкой пересчитал свои фишки.

– Эй! – Визг майора Москита звучал пронзительно, как
удар смычка по скрипичной струне.

Все вздрогнули.

– Ты чего расшумелся? – ухмыльнулся Мартин.

– Дай-ка сюда свои десятки!

Детской ручонкой он сгреб с ящика карты и пристально
осмотрел их рубашку.

Бруно встал у него за спиной, поднял карту и поднес к
свету.

– Да вы чего всполошились, ребята? – спросил Мартин.

– Канифоль! – завопил майор Моски, взял сигарету,
оставленную на краю ящика, и быстро затянулся. – Карты
меченые. Заметно, если знать, куда смотреть.

Мартин поглядел на одну из карт:

– Черт возьми, и правда коцаные.

– Это твои карты, – обвинительным фальцетом заявил
майор.

– С чего это они мои? – взвился Мартин. – Кто-то забыл
колоду на кухне, а я подобрал. А то мы так бы и сидели без

дела.

Стэн взял колоду, перетасовал ее вперехлест, снова перетасовал и разложил карты на столе, рубашкой вверх. Потом перевернул. Все оказались старшими, картинки и десятки.

– Да, канифоль, – сказал он. – Нужна новая колода.

– Ты же только показываешь карточные фокусы, – вызверился Мартин. – Откуда ты про канифоль знаешь? Карты метят во время игры, у партнеров.

– Да вот знаю, поэтому сам никогда этим не пользуюсь, – миролюбиво пояснил Стэн. – И карты не сдаю. Никогда не сдаю. А шулер тасует с распределением: нужную пару кладет на верх колоды, срезает, чуть сдвигает внутрь верхние карты верхней половины, пропускает вперехлест, прикрывает заготовленную пару восемью картами, едва заметно выдвигает ее наружу и снова тасует, а потом срезает по выступу и...

– Оттого, что мы здесь спорим, как карты метят, никто из нас богаче не станет, – сказал Джо Пласки. – Нужна новая колода. Только где ж ее взять?

Все умолкли. Колеса вагона постукивали на стыках рельсов.

– У Зены есть гадальные карты, – сказал Стэн. – Они годятся и для игры. Я схожу принесу.

Мартин взял меченую колоду, подошел к приоткрытой двери вагона и пустил карты по ветру.

– Может, с новыми картами повезет больше, – сказал он. – А то я продул все партии, кроме последней.

Вагон трясся во тьме. В дверном проеме чернели холмы, сияли звездные россыпи с долькой заходящей луны.

Стэн вернулся. С ним пришла Зена. Строгое черное платье украшала бутоньерка из искусственных гардений, волосы были небрежно заколоты в пучок светлыми шпильками.

– Приветствую, господа. С вашего позволения, я присоединюсь к игре. В вагоне смерть как скучно. Я уже перечитала все журналы про кино. – Она открыла сумочку и выложила на ящик колоду. – А покажите-ка мне руки, ребята. Чистые? Не изгваздайте мне карты, их трудно заменить.

Стэн бережно взял колоду и, раскрыв карты веером, взгляделся в странные картинки. На одной был изображен мертвец ничком, пронзенный десятью мечами. На другой три женщины в старинных одеяниях вздымали кубки. Еще на одной из облака высовывалась рука с жезлом, покрытым зеленой листвой.

– Как называются эти карты? – спросил он.

– Таро, – с важным видом объявила Зена. – Самые старые карты в мире. Говорят, их придумали в Египте. Великолепно подходят для сеансов гадания. Я их и для себя раскладываю, если нужно что-нибудь решить. И всегда получаю вразумительный совет. Но ими можно играть в покер. Тут четыре масти: жезлы – трефы, кубки – черви, мечи – пики, а монеты – бубны. Вот эти карты входят в Старшие арканы, на них гадают. Но одну из них можно использовать вместо джокера. Погоди, сейчас я ее найду... А, вот она. – Зена бросила карту

на ящик, а остальные спрятала в сумку.

Стэн поднял джокера и не сразу понял, где у карты верх, а где низ. На ней был изображен юноша, подвешенный за ногу к Т-образному деревянному кресту, на котором зеленели листья. Руки юноши связаны за спиной, голову окружает золотистый нимб, а выражение лица благостное, будто у воскресшего. Улыбка как у Джо Пласки. Под рисунком старинным шрифтом было начертано название карты. Повешенный.

– Господи, уж эти-то чертовы картинки наверняка принесут мне удачу, – сказал Мартин-мореход.

Зена взяла у Джо Пласки фишки, перетасовала колоду и сдала карты в закрытую, рубашкой вверх. Приподняла свою, поморщилась. Игра началась. Стэну досталась восьмерка монет, и он спасовал. Не имеет смысла оставаться, когда закрытая карта ниже валета, а если валет сдается в открытую, то тут уж точно следует пасовать. Если только на руках не старшие карты.

Зена снова поморщилась. Партия игралась между ней, Мартином-мореходом и майором Москитом. Мартин вышел. У майора было три Рыцаря. Он потребовал вскрыться. У Зены оказался флэш в монетах.

– Ну ты и мастерица блефовать! – возмущенно пискнул майор. – Сидишь тут, морду кривишь, а у самой флэш.

Зене помотала головой:

– Я и не думала блефовать, а кривилась, потому что получила в темную вот эту, туз монет, их еще называют пентак-

лями. Я всегда считала, что она значит «Верный друг тебя предаст».

Стэн выпрямился и сказал:

– Может, это змеи виноваты. Они шебуршат, будто им в ящике неудобно.

Майор Москит сплюнул, сунул палец в отверстие, просверленное в стенке ящика, ойкнул и отдернул руку. Из отверстия высунулась алая ниточка раздвоенного жала. Майор ослабил, обнажив крошечные зубы, и ткнул в жало горящим кончиком сигареты. Жало втянулось в ящик, изнутри послышалось злобное шипение и шуршание.

– Боже мой! – воскликнул Мартин. – Зачем ты так, во-нючка ты мелкая! Они ж взбесятся.

Майор гордо вскинул голову:

– Хо-хо-хо! В следующий раз я и тебе то же самое устрою. Атакую броненосец «Мэн».

Стэн встал.

– Все, мне надоело, господа. Продолжайте без меня.

Балансируя на покачивающемся вагонном полу, Стэн пробрался через груды брезента и вышел в тамбур. Левая рука скользнула под край жилета, отстегнула булавку, удерживавшую крохотную жестянку размером и формой с пятиценто-вик. Стэн опустил руку, уронил жестянку в просвет между сцепкой вагонов. На пальце осталось темное пятнышко. Какого хрена я все это начал? Не нужны мне их деньги. Я просто хотел посмотреть, смогу ли я их обобрать. Господи, во

всем нужно полагаться только на свои мозги.

В вагоне, в приглушенном свете ламп, устроились цирковые – кто подремывал на сиденье, кто опустил голову на соседское плечо, кто спал в проходе, на расстеленных газетах. В углу вагона тихонько посапывала Молли, полураскрыв рот и упираясь виском в темное оконное стекло.

Сон всех уродует, делает беспомощными и беззащитными. Третью жизни люди проводят в беспомыслии, бесчувственные, как трупы. А некоторые – их большинство – так не приходят в себя и пробудившись, остаются беззащитными перед лицом судьбы. Бредут по темному переулку навстречу смерти, боязливо нащупывают выход к свету, обжигаются и снова ползут в слепое существование.

Чья-то рука легла Стэну на плечо. Он вздрогнул и обернулся. Зена. Она стояла, чуть расставив ноги, раскачиваясь вместе с поездом.

– Стэн, милый, не падай духом. Пита жалко, конечно, – и мне, и тебе, и всем остальным. Но он умер, а мы живы. Скажи-ка, я тебе не разонравилась?

– Нет, что ты! Просто... я думал...

– Оно и понятно, милый. Похороны и все такое. Только я не собираюсь всю оставшуюся жизнь горевать о Пите. Моя мать носила траур целый год, но я считаю, время – не главное. Надо радоваться жизни. Знаешь что, вот как доберемся до места, давай улизем от остальных и устроим себе праздник.

Стэн обнял ее и поцеловал. Вагон качнуло, они стукнулись зубами и, смеясь, разомкнули объятия. Зена ласково погладила Стэна по щеке.

– Я по тебе соскучилась, милый.

Она спрятала лицо у него на груди.

Стэн поглядел ей за плечо, на спящих в вагоне. Их лица изменились, утратили уродство. Молли проснулась, грызла шоколадку. На подбородке темнела шоколадная полоса. Зена ничего не заподозрила.

Стэн поднял левую руку, посмотрел на ладонь. На подушечке безымянного пальца виднелось темное пятно. Канифоль. Он коснулся его языком, положил руку Зене на плечо, вытер палец о черное платье.

По проходу они пробрались к груде багажа и уселись на чемоданы.

– Зена, а как работает код? Ну, тот, которым пользовались вы с Питом? – шепотом спросил Стэн.

Зрители в вечерних туалетах. Имена на афишах. Высшая лига. Слава и успех.

Зена склонилась к нему и ответила с неожиданной хрипотцой:

– погоди, доедем до места. Я сейчас не могу думать ни о чем, кроме тебя, милый. Я тебе потом объясню. Расскажу все, что захочешь. А пока дай мне помечтать о постели.

Она ласково сжала его палец.

В багажном вагоне майор Москил вскрыл свою темную

карту.

– С двойкой мечей выходит три двойки, а еще джокер в прикупе. Каре! Ха-ха-ха! Повешенный!

Стэн проснулся задолго до рассвета. Неоновая вывеска универмага «Айерс», которая всю ночь мигала с пугающей частотой, наконец-то погасла, за замызганным оконным стеклом было темно. Что же разбудило Стэна? Твердый продавленный матрас? Тепло тела Зены?

Кровать задрожала. Горло сдавил инстинктивный страх перед темнотой и неведомым. Кровать снова вздрогнула, слышался сдавленный всхлип. Зена плакала.

Стэн повернулся, обнял ее, погладил грудь. Когда Зена расстраивалась, с ней надо было обращаться как с ребенком.

– Стэн, милый...

– В чем дело, солнышко?

Зена тяжело повернулась, прижала мокрую заплаканную щеку к его груди и вздохнула:

– Я Пита вспомнила...

Что на это скажешь? Обняв ее покрепче, Стэн молчал.

– Знаешь, я сегодня разбирала сундук с вещами Пита – старые афиши, газетные вырезки, письма и много еще всякого. А среди них нашлась записная книжка, в которой он вел наш код. Пит его сам придумал; кроме нас, им никто не пользовался. Аллах Кисмет – ну, Сильвестр Рапполо, знаменитый иллюзионист, – предлагал тысячу долларов за код. Но

Пит только рассмеялся. Так что эта записная книжка – память о Пите. У него был такой красивый почерк...

Стэн приподнял ей голову и начал целовать. Спать ему расхотелось, на шее билась жилка. Сейчас главное – не спешить. Сначала надо заняться любовью, если получится.

Все получилось.

Теперь молчала Зена.

– Что нам делать с твоим номером? – наконец спросил Стэн.

– А что с ним надо делать? – резко сказала она.

– Ну, может быть, ты решила его поменять...

– Зачем? Народ идет пуще прежнего. Послушай, милый, если ты считаешь, что твою долю заработка надо увеличить, так и скажи, не стесняйся.

– Да я не об этом, – сказал он. – В этом чертовом штате безграмотны все поголовно, писать никто не умеет. Предлагаешь им бумагу и карандаш, а тебе в ответ: «Вот ты за меня и запиши». Если бы я мог все это запомнить, то можно было бы обойтись без всяких записей.

Зена лениво потянулась, кровать заскрипела.

– Милый, не волнуйся о Зене. Тому, кто не умеет писать, можно внушить все, что угодно. С этой публикой я могу обойтись без вопросов и ответов, просто выйду на сцену, наболтаю чего-нибудь и все равно распродам товар.

Стэна встревожила мысль о том, что Зена способна обходиться без него, а вот он не сможет пока обойтись без нее.

– А что, если мы попробуем работать с кодом? Ты же его еще помнишь?

– Ох непоседа! – засмеялась она. – Да я даже во сне его вспомню. Это тебе придется помучиться, затвердить наизусть списки. Они очень длинные. К тому же сезон подходит к концу.

– Я все выучу.

Зена подумала и сказала:

– Что ж, милый, я не против. В записной книжке Пита все есть. Только смотри у меня, не потеряй, не то Зена тебе уши оторвет.

– А записная книжка здесь?

– Да погоди же ты! Чего спешишь, как на пожар? Да здесь она, здесь. Скоро сам увидишь, не торопись.

После долгого молчания Стэн поднялся с кровати.

– Пожалуй, мне пора вернуться в конуру, которую тут гордо именуют номером. Не стоит давать местным повод для сплетен.

Он включил свет и стал одеваться. В ярком свете лампочки Зена выглядела изможденной и какой-то обшарпанной, как старая восковая кукла. Она прикрыла ноги простыней, а обвислые груди остались обнаженными. Светлые волосы, заплетенные в косы, казались сухими и ломкими. Стэн надел рубашку, повязал галстук, накинул пиджак.

– Смешной ты...

– Почему?

– Одеваешься, чтобы в четыре часа утра пройти тридцать шагов по коридору этого мерзкого клоповника.

Для Стэна это прозвучало так, словно она обвинила его в трусости. Его окатила горячая волна:

– Все надо делать, как полагается.

Зена широко зевнула:

– Твоя правда, малыш. Ладно, утром увидимся. И спасибо за праздник.

Он не стал выключать свет.

– Зена, а можно мне взглянуть на записную книжку?

Она откинула простыню, встала и присела на корточки перед чемоданом. Интересно, а голая женщина всегда выглядит особенно неприлично после того, как ею овладеешь? Зена порылась в чемодане и вытащила записную книжку в матерчатом переплете с надписью «Гроссбух».

– Вот, держи. И ступай отсюда. Или ложись ко мне. В общем, реши уже, чего тебе больше хочется.

Зажав книгу в руке, Стэн выключил свет, ощупью пробрался к двери и осторожно приподнял щеколду. Желтый луч света из коридора упал на замызганные обои.

– Стэн... – слышался шепот с кровати.

– Что?

– Поцелуй подругу, пожелай ей спокойной ночи...

Он подошел к Зене, поцеловал ее в щеку и молча вышел, бесшумно закрыв дверь за собой.

Замок на двери его комнаты шелкнул, будто ружейный

выстрел.

Стэн с опаской оглядел коридор, но никого не заметил.

В номере он торопливо разделся, ополоснул лицо под умывальником и лег на кровать, пристроив записную книжку Пита на голый живот.

Первые страницы были испещрены цифрами и короткими пояснениями.

«Эванспорт, 20 июля. Брошюры – 33 доллара. Выплаты: подсадным по 2 доллара каждому – всего 6 долларов. Подсадные: миссис Джером Гочкис, Леонард Кили, Джозайя Бус. Все в норме. Опытные. Бус похож на священника, с актерскими задатками. Спрятал кольцо в подкладку пиджака...»

Подсадными назывались помощники, которых набирали из местных. Стэн быстро перелистнул страницы. Еще расходы: «Отмазка от ОВ. Шериф Пеллет. 50 долларов». Очевидно, имелся в виду арест по обвинению в воровстве.

Стэн чувствовал себя как Али-Баба в пещере с сокровищами сорока разбойников.

Он нетерпеливо заглянул в конец книжки. Заголовок на последней странице гласил: «Распространенные вопросы». Под ним был список с цифрами.

«Верен ли мне муж?» 56, 29, 18, 42.

«Выздоровеет ли мать?» 18, 3, 4, 12.

«Кто отравил нашу собаку?» 3, 2, 3, 0, 3.

Против этой строки была пометка: «Встречается не часто,

но постоянно. На каждом представлении. Можно использовать для раскачки, холодным чтением».

Очевидно, цифры обозначали количество одинаковых вопросов на каждом представлении. Вопрос «Изменяет ли мне жена?» задавали в три раза реже, чем вопрос «Изменяет ли мне муж?».

– Болваны, – прошептал Стэн. – То ли стесняются спрашивать, то ли такие тупые, что не подозревают. Но узнать хочется всем до последнего. Чертовы лицемеры. Каждый спит и видит, как бы загулять на сторону, а всем остальным ни-ни.

Он перевернул страницу.

«Вопросы следуют привычной схеме. На каждый необычный вопрос приходится пятьдесят стандартных. Человеческая натура везде одинакова. У всех одни и те же печали. Одни и те же заботы. Человеком легко управлять, если выяснить, что его страшит. А это легко узнать, отвечая на вопросы. Представь, чего боятся люди, и сразу упирай на эти страхи. Здоровье. Богатство. Любовь. Переезды. Успех. Все боятся болезней, нищеты, скуки, разорения. Страх – ключ к человеческой натуре. Люди боятся...»

Стэн уставился на аляповатые обои, видя перед собой весь мир. Гик создается страхом. Гик боится трезвости и белой горячки. А что заставляет его пить? Страх. Выясни, чего боятся люди, и упирай на их страхи. В этом ключ. Ключ! Стэн это понял, когда Клем Хотли рассказал ему, как делают гиков. А Пит в своих записях это подтвердил.

Здоровье. Богатство. Любовь. Путешествия. Успех.

«...Вопросы, связанные с домашними раздорами, родственниками, детьми, любимыми животными. И так далее. Изредка попадаются умники, но от них легко избавиться. Интересная мысль: при ответах на вопросы использовать код. Надо составить список вопросов, обозначить их цифрами кода. Начинать ответ невнятно, уточняя по ходу дела. По лицу спрашивающего понятно, верно угадано или нет».

Следующие страницы занимал список вопросов. Ровно сотня. Первым стоял: «Изменяет ли мне муж?» Вторым – «Найду ли я работу?».

Фасад универмага «Айерс» розовел в лучах восходящего солнца. Стэн не обращал внимания на рассвет. Солнце поднималось выше и выше, шуршали шины по мостовой, город просыпался. Около десяти утра в дверь постучали. Стэн встряхнулся:

– Кто там?

– Вставай, соня! – раздался голос Зены. – Не залеживайся.

Стэн отпер дверь, впустил Зену в номер.

– А зачем тебе свет? – Она щелкнула выключателем, повернулась и увидела записную книжку. – О господи, ты так и не уснул?

Стэн потер глаза и сел на кровать.

– Назови цифру. Любую цифру, до сотни.

– Пятьдесят пять.

– Будет ли моя теща жить с нами?

Зена села рядом, пригладила ему волосы.

– Знаешь, малыш, по-моему, ты умеешь читать мысли.

Бродячий цирк повернул на юг; вдоль песчаных дорог выстроились шеренги сосен. В жарком летнем воздухе стрекотали цикады, белые люди выглядели изнуренными, на лицах проступало отчаяние, а на губах – табачные пятна.

Солнце поблескивало на сияющих темных лицах другого народа Юга. Эти в безмолвном изумлении смотрели, как в утренней дымке поднимаются цирковые шатры. В балагане «Десять в одном» эти люди всегда стояли с краю, будто за невидимой оградой. Стоило кому-нибудь из белых резко повернуться и задеть кого-нибудь из стоявших позади, с губ негра срывалось «простите», будто монетка, положенная на плечо.

Стэн никогда не бывал так далеко на Юге и отчего-то чувствовал себя неловко. Тайная ненависть миллионами червей ворочалась под каждым клочком этой мрачной, пропитанной кровью земли.

Стэна завораживала здешняя манера говорить. Он освоил ритм речи, выучил местные обороты и вставлял их в свое выступление. Он наконец-то понял, почему у цирковых такой странный тягучий выговор – смесь всех наречий на просторах страны. Для южан такая речь звучала на южный манер, для жителей Запада – по-западному. Голос земли, за тягучей медлительностью которого скрывался острый ум. Простец-

кая, грубоватая, мягкая речь.

Цирковые сменили темп. Зазывалы теперь говорили медленнее.

Зена снизила цену на гороскопы до десяти центов, но вместе с гороскопами продавала корень Иоанна Завоевателя – за пятнадцать центов. Клубок сухих корней якобы гарантировал удачу и успех, если носить его в мешочке на шее. Зена заказывала корни оптом, из Чикаго, у поставщика оккультных товаров.

Спрос на книги о фокусах почему-то пропал. У Зены было этому объяснение:

– Милый, местные понятия не имеют о престижизитации. Они думают, что ты настоящий волшебник и творишь чудеса. Тебе надо торговать чем-нибудь про приметы.

Стэн заказал гросс дешевеньких книжиц – «Толкование тысячи и одного сновидений» – и в подарок за покупку вручал «счастливую» монетку с оттиском Печати Любви из Седьмой книги Моисеевой, гарантировавшую приязнь окружающих и посрамление врагов. Он развлекал публику заученной болтовней. Научился перекачивать между пальцами сразу три монетки. Сверкающий денежный каскад завораживал лохов, и толкования сновидений разлетались, как горячие пирожки.

Заученный код пришелся как нельзя кстати, потому что местные либо не умели писать, либо стеснялись демонстрировать свою грамотность.

– Этой даме *требуется незамедлительный ответ*, – произнес Стэн заготовленную фразу, означавшую, что задан вопрос: «Как дела у моей дочери?»

Голос Зены теперь звучал по-южному тягуче:

– У меня создается впечатление, что она волнуется о близком человеке, от которого давно не было вестей. Верно? Кажется, это молодая женщина... Ваша дочь? Вы думаете о дочери. Ну конечно. И хотите знать, все ли у нее в порядке, счастлива ли она и скоро ли вы с ней увидите. Что ж, почти наверняка еще до конца месяца вам принесут от нее весточку...

Один вопрос задавали так часто, что Стэн придумал для него безмолвный код – простой кивок Зене. Впервые он так поступил, когда гибкий и сильный парень с ясными глазами, сверкавшими на привлекательном эбеновом лице, спросил: «Уеду ли я отсюда?»

Зена уловила сигнал.

– Здесь есть человек, который хочет знать, что с ним случится, и сразу вам скажу, я уверена, что ваше желание исполнится. Как мне видится, оно связано с переездом... Вы собираетесь куда-то уехать, верно? Что ж, дорога будет нелегкой, возможны некоторые затруднения... я вижу толпу... какие-то долгие расспросы. Но в конце концов ваше путешествие завершится, не так быстро, как вам хотелось бы, но все-таки завершится. И вас ждет работа. Хорошая, с приличным заработком. Где-то на севере, это совершенно точно.

Беспронимчивый ответ, подумал Стэн. Они все мечтают уехать на север. Снова и снова, все тот же темный переулок и далекий огонек. Стэна с детства преследовал такой сон: он бежит по темному переулку, с обеих сторон которого высятся заброшенные черные дома, а в самом конце переулка горит огонек, но кто-то крадется за спиной, подходит все ближе и ближе, едва не настигает, и Стэн в страхе просыпался, весь дрожа, так и не добравшись до огонька. Вот и у этих то же самое – переулок кошмаров. Север – не конец переулка. Огонек так и останется вдали. А страх будет неизменно следовать за ними по пятам. Все люди одинаковы, и белые, и негры. Гик и его бутылка, оттягивающая неизбежное приближение страха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.